ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 95 (2478) Суббота, 27 ноября 1948 г. Цена 40 коп.

Общее дело писателя и учителя

«Учебником жизни» называл литературу великий революционер-демократ Н. Г. Чернышевский.

«Нужно знать русскую литературу и в особенности художественную, — говорил М. И. Калинин, обращаясь к учителям.— ...В художественной литературе вы видите людские типы в бесконечно разнообразных положениях... Поэтому повышение культуры — это в первую очередь знание художественной литературы. Она больше всего обогащает человека, дает возможность (я сужу по своему опыту) расти человеку, больше понимать людей».

Проникнутые партийной страстностью, горячим чувством современности, подлинной любовью к художественному слову, уроки литературы должны быть настоящей школой идейного формирования юных граждан нашей Родины. Преподавание родной литературы — не только значительный, важный вопрос нашей сегодняшней жизни, это — вопрос нашего будущего, вопрос воспитания новых поколений строителей коммунизма.

Состояние преподавания родной литературы в советской школе глубоко волнует писательскую общественность. Не случайно в дискуссии о том, как строить курс советской литературы, развернутой на страницах «Литературной газеты», приняли участие не только учителя, студенты и школьники, но и писатели, критики и литературоведы. Н. Погодин, К. Чуковский, В. Панова, Ю. Герман, А. Прокофьев, А. Дементьев, Е. Наумов, В. Смирнова и другие серьезно критиковали постановку преподавания литературы в школе. Они справедливо указали на то, что составители программ и учебников отвели недопустимо малое место советской литературе, что анализ художественных произведений ведется на уроках аполитично, беспартийно, сухо, поверхностно, формалистично, проблемы литературы не связываются с живыми, волнующими вопросами нашей современности. Идейный и научный уровень школьных учебников, программ, хрестоматий чрезвычайно низок, они проникнуты духом старого буржуазно-либерального литературоведения, заражены раболепием перед зарубежными авторитетами.

В своей статье «О преподавании литературы в школе» («Литературная газета» от 14 июля 1948 г.) министр просвещения РСФСР тов. А. Вознесенский подверг критике отдельные учебники и программы, указал на серьезные недостатки в подготовке учителей литературы в вузах и познакомил с теми мерами по улучшению школьных пособий, которые уже предприняло министерство.

По инициативе Министерства просвещения РСФСР и Союза советских писателей, 29 ноября открывается совещание, посвященное преподаванию литературы в школе. В этом совещании примут участие писатели, учителя и методисты.

Участникам совещания предстоит большая и ответственная работа. Они должны обсудить вопросы о содержании и об'еме школьного курса литературы, принципах отбора произведений, о месте советской литературы и литературы народов СССР в школьных программах, о структуре программ, учебников и хрестоматий.

Необходимо добиться того, чтобы уроки литературы были увлекательными, не превращались в скучное и схоластическое изучение «словесности», оторванной от нашей богатой, бурной и стремительно развивающейся жизни.

Передовая русская литература всегда боролась с холодным об'ективизмом и бесстрастностью. Лучшие наши писатели гневно и яростно обрушивались на капиталистический строй, на угнетение человека человеком, взволнованно и страстно отстаивали идеи свободы и революции. Эта общественная активность русской литературы, ее неразрывная связь с чаяниями народа получила совершенно новое качество в советскую эпоху, когда литература стала открыто и последовательно партийной, боевой, воинствующей литературой, борющейся под руководством партии за построение коммунизма.

Как же можно терпеть, чтобы жгучие, взволнованные произведения нашей литературы, в которые писатели вложили лучшую часть своей души, преподавались в школе аполитично, сухо, равнодушно!

А ведь стоит обратиться, например, к учебникам по литературе для I—IV и для V—VII классов, чтобы увидеть, как часто составители этих пособий выхолащивают великое революционное содержание нашей литературы, как они кроят и режут вдоль и поперек живую ткань произведения, как в своих «пояснениях» сводят его глубокий жизненный смысл к механическому заучиванию отдельных понятий вроде «синекдохи» или «метафоры». Выпускники семилетки знают не литературу, а, в лучшем случае, содержание отдельных произведений; их сведения отрывочны и случайны. Особенно недопустимо слабое знание советской литературы. Выходя из стен нашей школы, юноши и девушки должны воспринимать советскую литературу, как великую многонациональную литературу, отражающую братское содружество советских народов, вдохновленную идеей и чувством советского патриотизма.

В итоге плохо продуманного отбора художественных произведений программы сильно перегружены, а это очень затрудняет работу учителя.

Большим недостатком в изучении школьного преподавания литературы является слепое, некритическое отношение к дореволюционной методике. На страницах педагогических и методических книг и журналов без всякой критической оценки приводятся высказывания буржуазных педагогов — Стоюнина, Острогорского, Водовозова, которые отрывали русскую литературу от народно-освободительной борьбы, стремились лишить ее революционного боевого духа.

Деятели советской школы должны всегда помнить замечательные слова В. И. Ленина:

«Чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих».

Необходимо создать новую советскую методику преподавания литературы в школе, отвечающую требованиям и задачам коммунистического воспитания.

Учебник по методике литературы В. Голубкова никак не отвечает этим требованиям. Достаточно сказать, что более чем из 300 страниц книги только семь страниц посвящены советской литературе.

Для того чтобы действительно улучшить преподавание литературы в школе, требуется большая, серьезная совместная работа Министерства просвещения, учителей и писателей. Писатели не должны на совещании ограничиваться только критикой существующих учебников и программ. Они обязаны выступить и со своими конкретными, продуманными предложениями о содержании и об'еме курса литературы, о структуре учебников, хрестоматий и программ. Но и этого недостаточно. Советские писатели должны принять участие в создании учебников для школы. Умный, талантливый, поэтичный учебник по литературе, написанный писателем или, может быть, группой писателей, какую огромную, благородную роль сыграет он в коммунистическом воспитании молодого поколения!

Необходимо создать деловую рабочую комиссию из инициативных и знающих людей, которая смогла бы, опираясь на помощь министерства, Союза советских писателей, «Литературной газеты», ее читателей и всей нашей советской общественности, перейти от обсуждения к широкой организационно-практической работе по единому плану.

Эта работа облегчится тем, что на помощь учителям и писателям придут сами школьники, которые горячо любят родную литературу и мечтают хорошо ее знать. Одно из многочисленных писем, полученных «Литературной газетой», письмо учеников 187-й школы Москвы, заканчивается так: «В нашей советской школе литература должна быть агитатором и воспитателем молодежи. Программы и учебники в большинстве случаев не доносят до нас великого воспитательного значения литературы, на уроках нет принципиального подхода к произведениям, нет определенной советской точки зрения на них. Поэтому на уроках, посвященных советской литературе, нет той боевой атмосферы, какая должна была бы быть, нет заинтересованности как учеников, так и преподавателей. Хотелось бы, чтобы чувствовалась тесная связь между нами и нашей литературой, потому что мы — те люди, которые изображаются в этой литературе и которые сами будут создавать ее».

Можно не сомневаться, что дружная, согласованная работа писателей и учителей, их повседневный, живой, творческий контакт определят решительный перелом в преподавании литературы. Наша школа должна выпускать высокоидейных, культурных людей, воспитанных на литературе, которая учит любить и ненавидеть, бороться и побеждать.

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ ЗАВОДА

А. МИХАЛЕВИЧ

«Сколько бы лет ни проработал человек в мартене, сколько бы стали ни выплавил на своем веку, но всегда выпуск плавки, миг рождения стали полон для него напряжения и некоторой торжественности.

...Крайнев посмотрел на часы, взглянул на стоящего рядом Опанасенко, выждал несколько секунд и кивнул головой. Подручные быстро схватили длинную металлическую пику и несколько раз ловко и сильно ударили ею в заделку отверстия.

С глухим рокотом вырвалось из отверстия пламя, мгновенно усилилось, стало ярким, и ослепляющая струя жидкой стали с тяжелым шумом хлынула в ковш.

Разливочный пролет здания словно вспыхнул. Скрытые до этого в темноте, становились ясно видными подкрановые балки, стропила крыши и даже напряженные глаза машиниста, ожидавшего в кабине крана сигнала принять ковш, наполненный сталью...»

Момент, запечатленный художником в приведенных строках романа «Сталь и шлак», — это рождение первой плавки оборонной стали, которую начал варить один из южных заводов, перешедший в памятном 1941 году на военные заказы.

Автор книги—инженер-металлург, и его роман «Сталь и шлак» не может не подкупать знанием дела, техники, подлинной заинтересованностью в производственной теме. Но это не просто книга «бывалого человека». С талантом и смелостью художника В. Попов раскрывает поэзию жизни металлургического завода.

Пожалуй, самая существенная черта этой книги и самая главная ее удача то, что автор показал рабочий коллектив, так сказать, **изнутри**, — не в рассуждениях, не в речах действующих героев, а в их повседневных делах.

Богатые драматизмом события рисует автор. Началась война. Один из украинских заводов, как и вся наша промышленность, перестраивается на военный лад. Горький и ответственный момент эвакуации коллектива и основного оборудования. На какое-то время расстаются сроднившиеся в работе люди — одни воюют на фронте, другие варят сталь на новом месте, третьи ведут борьбу против ненавистного врага в подполье, но все они продолжают делать общее дело.

Описанные в романе события отделены от нас несколькими годами. Мы живем и трудимся в послевоенную сталинскую пятилетку. К нам приходят вести о новых высотах, взятых металлургами где-нибудь на Запорожстали, мы читаем о сверхплановых накоплениях на наших заводах. Но, стараясь вникнуть в успехи скоростников на стройках, заводах, шахтах, мы вдруг замечаем, что книга Попова помогает понять истоки этих новых движений, родившихся в рабочем классе. Мы вспоминаем не какого-нибудь одного героя книги, а их — вместе, в их новых отношениях к труду и друг к другу. Мы вспоминаем и старого кадровика — «хранителя огнеупоров» Дмитрюка, и неутомимого Матвиенко — секретаря партийной организации цеха, и Крайнева — инженера поистине **советской** школы, и секретаря комсомольской организации Валю Теплову, она же и секретарь-экономист цеха, для которой каждая цифра заводской статистики живет, побуждает к творческим предложениям. Перед нами вновь возникает фигура неутомимого сталевара Шатилова, и подручного Сашки, в дни оккупации распространявшего в городе прокламации, спуская их через... заводскую трубу, и многие другие герои произведения.

Роман В. Попова — это книга о новом советском рабочем классе, который уже никому не придет в голову, даже по старой памяти, назвать пролетариатом. Сколько драгоценных черт нового раскрыто автором в Анании Михайловиче Дмитрюке! Он рос вместе с цехом, был каменщиком, мастером, обер-мастером каменных работ. Он состарился на заводе. Дмитрюка назначили заведующим складом огнеупоров. Но не довольствуясь этой должностью, старик каждое утро поднимается на рабочую площадку печного пролета и придирчиво осматривает печи.

Из дел, из фактов, из жизни мы постигаем большую, нестареющую душу этого человека. Вот Дмитрюк предотвратил вынужденный простой мартена, предложив использовать старый дымоход. Он так и не ушел из цеха, пока не закончился ремонт печи. Незабываем этот старый рабочий в дни продвижения эшелонов с эвакуированными женщинами, детьми и заводским имуществом на восток. На первый взгляд, у него скромная роль — он добытчик молока для ребят, едущих в эшелоне. Но вскоре Дмитрюк — уже «начальник» целого отряда «дедов-морозов», помогавших осиротевшим семьям, заменявших детям отцовскую ласку и заботу. Однажды ночью от зажигательной бомбы загорелся вагон с чертежами заводского архива. Дмитрюк — среди тех, кто, не задумываясь об опасности, тушит пожар. И вот он подходит к вагону, где едут его подшефные семьи.

«Руки у него были в волдырях, он беспомощно держал их, широко растопырив пальцы. Бровей у деда не было, один ус обгорел, но другой, побуревший, попрежнему торчал кверху.

— Остались ребята без молока, — сокрушенно сказал он. — А это?.. Это обрастет, — успокоил он Елену, поймав ее испуганный взгляд на своем лице, — может, еще черные отрастут или хотя бы рыжие, — а когда она взглянула на его пальцы, могнул рукой в воздухе, — это заживет. До Урала не так далеко...»

Автор при этом ничего не подчеркивает, не морализирует о том, до каких высот поднялся советский человек. Он только добавляет:

«За ребят Дмитрюк огорчался напрасно. Вместо него появился Василий Бурой, у него тоже было обожжено лицо, но руки целы».

* * *

В сознании наших писателей всегда должны жить, побуждать к неутомимым творческим исканиям сталинские слова: «...одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент широко развертывающееся соревнование миллионных масс рабочих».

Лучшие страницы книги В. Попова — о том, как соревновались на востоке два сталевара — местный пожилой рабочий Пермяков и прибывший с юга вожак комсомольской бригады Шатилов. Это описание в художественной форме еще раз подтверждает слова, сказанные В. М. Молотовым в докладе, посвященном 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции:

«Соревнование есть коммунистический метод строительства социализма», по выражению товарища Сталина. И вот мы видим, что этот коммунистический метод строительства социализма стал уже достоянием всей массы трудящихся нашей Родины».

Как обобщенный образ отечественной индустрии, воспринимается в книге описание завода на востоке, ставшего подлинной крепостью обороны. Прибывший с юга инженер Макаров видит в центре высокий огнедышащий остров доменных печей, где непрерывной жидкой лавой шел чугун. Чуть дальше — стройные трубы мартеновских печей, которые словно только что выстрелили в небо, — легкий дымок поднимался вверх и таял в морозном воздухе. За ними здания нагревательных колодцев, обнесенные частоколом тонких черных труб, а за блюмингами, во все стороны, куда ни глянь — плоские застекленные крыши цехов, напоминающие отсюда исполинские парниковые рамы.

«У Макарова захватило дыхание — не окинуть одним взглядом эту величественную панораму...

Десять лет назад, во время экскурсии, Макаров видел эту панораму, но тогда здесь была строительная площадка, а сейчас все жило иной жизнью, хотя строительство тоже не прекращалось...

И гордость за вождя, по прозорливой мысли которого в безлюдной степи возникла эта крепость обороны, за народ, воплотивший мысль в дело, воздвигший гигант, равного которому не было в мире, за себя, как за частицу этого народа, вспыхнула в душе Макарова».

* * *

Много места в романе Попова отведено командирам производства — инженерам. «Что такое инженер? — спрашивал Орджоникидзе в речи на выпуске слушателей Института стали. — В чем его величие, в чем его гордость?.. Единственно в нашей стране инженер вооружается знаниями и идет на предприятия, идет в горы и степи, в села и города с исключительной целью— подчинить природу, все силы человека и все силы природы поставить на службу своему народу... у нас, инженер—это великий творец...»

В книге Попова мы видим целую плеяду инженеров-металлургов нового поколения. Крайнев, Ротов, Григорьев, Макаров, Мокшин — это люди разного склада, темперамента, но все они воодушевлены одной идеей — усилить могущество нашей Родины. С любовью рисует писатель творческие черты советских инженеров. Автор не приглаживает и не лакирует своих героев, новые качества не падают готовыми с неба, они вырабатываются в труде, в преодолении трудностей, в поисках наиболее зрелых решений, в устранении со своего пути всего наносного, чуждого партии. Читатель с неослабным вниманием следит за героями книги в цехах, на различных совещаниях и производственных летучках, отмечая, как быстро расширяется в нашей жизни сфера того, что может и должно стать предметом художественного изображения.

Сталкивая две защиты дипломных проектов, Попов противопоставляет типу «инженера-переводчика» Стаковского, сводящего свою работу к слепому подражательству иностранным образцам, — советского инженера-творца. Спокойный, лаконичный Крайнев защищает собственную конструкцию головки мартеновской печи, не прибегая к ссылкам на мировые имена. За ним— точность инженерных расчетов, опыт свой и опыт коллектива завода, и он убеждает комиссию в осуществимости своей идеи.

Попов показывает инженера Крайнева и в трудных условиях подпольной борьбы. Пусть не все ситуации при этом до конца жизненны, — чувство меры тут иногда изменяет автору, — но основное изображено правдиво и убедительно. Советский инженер, как и другие советские люди, оказавшиеся под фашистским игом, остались верными тем высоким моральным свойствам, которые отличали их в дни мирного труда. Они знают, что «близок тот день, когда вся фашистская нечисть, этот шлак человечества, будет выброшена за порог».

Крайнев поставил себе целью взорвать электростанцию, которую предатели помешали уничтожить накануне прихода немцев. На пути инженера встали огромные трудности. Крайнев выполнил свой долг. В этом помогла ему партия, мудрую, направляющую руку которой он всегда явственно ощущал, и особенно в дни этих страшных, нечеловеческих испытаний.

Партия предстает со страниц романа мудрым и чутким наставником, могучей силой, непрерывно определяющей поступательное движение вперед нашего государства.

На завод прибывает парторг ЦК—Гаевой. Ему свойственно то, что Горький называл уменьем повышать температуру трудовой энергии масс.

«...Работали вы все время хорошо, хвалили вас, гордились вами, — говорит Гаевой на собрании коммунистов. — Но... то, что было хорошо вчера, во время мира, сейчас, во время войны, уже плохо. Многие считают — раз выполняются военные заказы, значит перестроились на военный лад. Не в этом перестройка. Единство фронта и тыла предусматривает и единство метода, а это — горячие бои, наступление. Товарищ Сталин, Центральный Комитет партии верят нам, многотысячной армии бойцов особого металлургического фронта, что мы поднимем завод на уровень, недосягаемый для мирного времени, немедленно перейдем в наступление, такое же стремительное, как и под Москвой...

...Люди в зале поднялись, как один. Воля вождя была их волей, волей всего советского народа».

Хорошо рисует Попов образ наркома, возглавляющего этот «особый металлургический фронт», руководителя ленинско-сталинского типа, умеющего сочетать огромную перспективу в работе с пристальным вниманием к «мелочам», обладающего замечательным искусством расставлять и воспитывать кадры, не давать им успокаиваться, заплывать жирком, отрываться от масс.

Урок большевистской партийности дает нарком директору завода, талантливому, волевому инженеру, не сумевшему, однако, развить в себе всех черт, присущих руководителю-большевику.

«— Авторитет руководителю создает уменье сочетать помощь с требовательностью. Если он только помогает—он «помогалкин», если только требует — «погонялкин». А у тебя теперь два любимых слова: «об'ективщина» и «приказываю!» Мы, руководители, должны устранять об'ективные причины, чтобы людям даже ссылаться было не на что.

...Руководителя любить должны, — продолжает он, — тогда люди вдвое инициативнее. А тебя... тебя не любят на заводе, хотя ты и очень много сделал для рабочих. Кормишь ты все же лучше всех. Одеваешь хорошо, — своя швейная фабрика. Жилища у тебя прекрасные... А не любят. Ты не понял, что заводской коллектив — это большая семья, а разве от главы семьи требуется только кормить и одевать?.. Ты заботишься о всех вообще, а ни о ком в частности...

— Понимаю, что дел у тебя очень много. Но вспомни Владимира Ильича: в двадцать первом году, когда так же решался вопрос — быть нам или не быть, он же находил время написать записочку Семашко с просьбой найти крестьянину-ходоку... очки. Нашел же время и написать и проверить, да только ли это... А ты не находишь времени, чтобы хотя одному человеку в день сделать доброе дело, сказать теплое слово, ведь народ у нас какой...»

* * *

Дело не только в том, что роман раскрывает новые черты в характере человека труда — главного героя наших книг, поднимает значение индустриальной темы, смело вводит в мир художественного творчества новые образы и представления, которые еще вчера казались не «поэтическими».

Большое значение книги В. Попова в том, что она, как и ряд других появившихся за последнее время произведений, свидетельствует о резервах советской литературы.

В самом деле, если вчерашний шихтовщик мартеновского цеха, затем заместитель начальника и начальник цеха мартенов, не порывая с производством, повседневно борясь за выполнение плана по металлу, попутно с плавками стали «выдает» художественную книгу, подобную «Стали и шлаку», это говорит о том, насколько интенсивен в нашей стране процесс духовного роста народа, как все многогранней становится культура рабочего класса, все ярче, увереннее и разностороннее заявляет о себе свободный рабочий человек на многообразном и беспредельном поприще творчества.

А это значит, что в нашу литературу приходят такие резервы, о каких не могло и мечтать раньше искусство и каких, конечно, нет и не может быть ни в одной капиталистической стране.

В книге В. Попова, наряду с бесспорными достоинствами, есть много несовершенного, кое-какие из названных выше положительных черт только еще намечены и должны быть развиты, книге можно и нужно пожелать вдумчивого и опытного редактора. Но при всем том, и это главное, автор побеждает свежестью непосредственного видения мира, бьющим через край запасом жизненных впечатлений.

В. Попов кончает свою книгу взволнованными, проникновенными словами, относящимися к одному из героев: «Необ'ятная ширь Родины раскрывалась перед ним».

Сейчас писатель работает над продолжением романа. Как и перед каждым советским человеком на любом поприще труда и культуры, перед ним раскрываются необ'ятные горизонты творчества. Пусть же писателем в его дальнейшей работе руководит то ясное и окрыляющее сознание ответственности перед народом, то неодолимое стремление вперед, какие воспитывают в каждом советском человеке партия, товарищ Сталин.

В. Попов. «Сталь и шлак». Роман. Сталинское областное книжно-газетное издательство. 1948. 384 стр.

Машины для лесозащитных станций

В степных и засушливых районах страны организуются 570 лесозащитных станций. Они будут оснащены мощными тракторами, лесопосадочными машинами, экскаваторами, бульдозерами, грейдерами и другой новейшей сельскохозяйственной техникой. Облегчая труд колхозников и рабочих лесного хозяйства, машины помогут быстрее осуществить грандиозный план преобразования природы, принятый партией и правительством.

В создании лесозащитных станций принимают участие ученые, конструкторы, коллективы научно-исследовательских институтов и машиностроительных предприятий.

Нижне-Тагильский завод Министерства сельскохозяйственного машиностроения приступил к массовому выпуску лесопосадочных машин «ПЧ-2» конструкции кандидата технических наук М. Чашкина. Эти машины просты по своему устройству и отличаются высокой производительностью. Они ведут посадку как сеянцами, так и черенками. Гусеничный трактор может тянуть семь таких машин, — они сразу произведут посадку на площади, равной ширине лесополосы.

Новую лесопосадочную машину с автоматической подачей сеянцев сконструировал кандидат технических наук А. Недашковский. Машина успешно прошла испытания и также принята для серийного производства.

Лесозащитные станции будут снабжены специальными культиваторами. Некоторые конструкции их проходят сейчас испытания. Заслуживает внимания лесной культиватор лауреата Сталинской премии Ф. Соловья. Эта машина обрабатывает одновременно четыре междурядья, хорошо рыхлит почву и срезает все сорняки. С помощью такого культиватора три человека могут в день обработать участок площадью 20 гектаров. При конно-ручной обработке на это потребовалось бы не менее 120 рабочих.

На Харьковском тракторном заводе разрабатывается конструкция специального трактора, который должен свободно проходить между деревьями, не задевая крон молодых насаждений. Кременчугский завод дорожных машин приступил к выпуску нового плужного канавокопателя, работающего с трактором «С-80». Машина заменяет десятки людей и найдет широкое применение на копке канав для посадок.

В числе других машин лесозащитные станции получат универсальный экскаватор, выполняющий самые разнообразные земляные работы, скрепер, который набирает грунт, транспортирует в любое место, рассыпает и уравнивает его, новый бульдозер, заменяющий 300 рабочих.

Декада латышской литературы

22 декабря 1948 года в Москве откроется декада латышской художественной литературы. Для участия в декаде приедут в Москву латышские писатели А. Упит, В. Лацис, Я. Судрабкалн, А. Саксе, А. Григулис, А. Чак, В. Лукс, И. Муйжниек, Ф. Рокпелнис, К. Краулинь, Я. Ниедре, М. Кемпе, Ю. Ванаг и др.

В дни декады состоятся вечера латышской литературы и искусства в Колонном зале Дома союзов, в Центральном доме литераторов, в дворцах культуры и клубах крупнейших московских предприятий, в Московском университете и Военно-политической академии имени Ленина.

В Центральном доме литераторов в связи с декадой откроется выставка латвийской книги и живописи художников Советской Латвии. Государственное издательство художественной литературы и издательство «Советский писатель» выпускают к декаде ряд книг латышских писателей.

УРОК У СТАНКА

Межзаводская школа стахановцев-скоростников

Ленинградский завод «Линотип» — передовое предприятие машиностроительной промышленности. Многие стахановцы достигли высокой производительности труда. На заводе получили широкое распространение скоростные методы обработки металла, в частности, точения и фрезеровки. Используя преимущества твердых сплавов, здесь изготовили из них усовершенствованные фрезы особой конструкции и новые типы резцов. Созданы специальные приспособления для ускорения установки деталей на станках, позволяющие экономить время на выполнении вспомогательных операций.

По инициативе областного комитета профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения, на «Линотипе» была создана межзаводская стахановская школа скоростников. В ней обучались фрезеровщики и токари десяти соседних предприятий («Знамя труда», «Вулкан», «Красная вагранка», «Ленгаз № 2», «Ленгазаппарат № 1» и других).

Учебную программу разработали технологи завода при участии инициаторов скоростной обработки металла — фрезеровщика Архангельского и токаря Галченко. Стахановцы тт. Архангельский и Галченко вместе с группой инженеров завода преподавали в межзаводской школе.

Учащиеся прослушали лекции — о сущности скоростного резания и новой геометрии твердосплавных инструментов, о природе твердых сплавов и применении их при обработке различных материалов скоростным резанием, о конструкции высокопроизводительных твердосплавных инструментов и другие.

Лучшие стахановцы прямо в цехах, у своих станков, дали слушателям несколько предметных уроков скоростной обработки деталей разнообразных конфигураций, организации рабочего места и культуры труда.

Инструментальщики «Линотипа» изготовили для учащихся образцы фрез и резцов из твердых сплавов, а на заключительном занятии каждый выпускник получил по набору чертежей современных твердосплавных инструментов.

Инженеры завода «Линотип», обобщив опыт применения скоростных режимов, написали книги, являющиеся ценным вкладом в теорию и практику отечественного машиностроения.

Словари народов СССР

Народы, населяющие нашу страну, говорят более чем на двухстах языках. Благодаря ленинско-сталинской национальной политике, необычайного расцвета достигла культура народов СССР. Обогатилась и их лексика. Многие народы впервые получили письменность после Великой Октябрьской социалистической революции. Возникла потребность в издании словарей. Специальное издательство иностранных и национальных словарей до войны выпустило 12 впервые созданных национальных словарей (в том числе киргизско-русский, содержащий 25 тысяч слов).

С 1944 года вновь выходят словари для народов СССР. За все время издано свыше двадцати пяти. Самый капитальный из них—выпущенный в этом году русско-украинский, составленный Институтом языковедения Академии наук Украинской ССР. Он содержит 80 тысяч слов.

В 1948 году вышел в свет первый русско-башкирский словарь, содержащий 40 тысяч слов; он составлен Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. М. Гафури. К 31-й годовщине Октября выпущен русско-эрзянский (мордовский) словарь. Сотрудники удмуртского Научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора составили удмуртско-русский словарь. В его основу легли материалы фольклорно-лингвистических экспедиций.

В ближайшее время появится первый русско-ненецкий словарь. Его первоначальная редакция принадлежит научному сотруднику Института языка и мышления Академии наук СССР ненцу А. Пырерко. Однако молодой ученый не смог завершить начатую работу,—он погиб на фронте. Труд закончила Н. Терещенко—жена и помощница тов. Пырерко.

Сданы в печать и выйдут в 1949 году эрзя-русский и мокша-русский словари.

Для народов Советской Прибалтики издательство уже выпустило карманные словари (русско-латышский, русско-эстонский, русско-литовский и латышско-русский). В будущем году выйдет полный русско-латышский словарь (50—60 тысяч слов). Начата работа над русско-таджикским (80 тысяч слов), бурят-монгольско-русским и русско-осетинским словарями.

НАУЧНАЯ РАБОТА КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР проводит сейчас в Москве расширенную сессию Ученого совета. Кроме сотрудников краеведческих музеев РСФСР, на сессию прибыли представители Украины, Грузии, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и других республик.

Ученый совет обсуждает вопросы научно-исследовательской деятельности краеведческих музеев, задачи и формы массовой культурно-просветительной и экскурсионной работы, пропаганды мичуринского учения и великого плана лесонасаждений.

Сессия открылась докладом профессора Ф. Петрова—«Профиль краеведческого музея и принципы построения краеведческой экспозиции». Работа Ученого совета продлится три дня.

Наш народный суд

К. ГОРШЕНИН,
министр юстиции СССР

В ноябре 1946 года на заседании Совета Министров Иностранных Дел разбирался вопрос о Свободной территории Триест. Возникли прения по поводу порядка замещения судебных должностей в Триесте. Советская делегация предложила принцип выборности судей, делегации Англии и США яростно отстаивали систему назначения на все судебные должности. При этом Бевин ссылался на британские порядки: — В Англии нет выборных судей, — заявил он.

— В Советском Союзе все судебные должности — выборные, — ответил на это товарищ Молотов.

Этот диалог ярко характеризует пропасть, отделяющую наш советский суд — суд подлинно народный, подлинно демократический, — от суда капиталистического, являющегося, по выражению Ленина, «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка».

Бевин на этот раз говорил правду — в Англии судьи назначаются королем. Назначаются они и во Франции. Принцип назначения применяется также в Италии, Японии и других буржуазных странах. В США судьи большинства штатов назначаются либо губернатором, либо законодательным органом, либо особой комиссией по назначению должностных лиц. Американский писатель Уитмэн, ссылаясь на сообщение представителя муниципальных властей Нью-Йорка Мозеса, сообщил недавно о случае «покупки» поста судьи за 25.000 долларов.

Об этих фактах уместно вспомнить ныне, в дни, когда советский народ готовится к выборам народных судов. Наши выборы проводятся на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. В них участвуют все граждане, достигшие ко дню выборов 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Право народа непосредственно избирать свой народный суд записано в Сталинской Конституции.

В Министерство юстиции СССР поступают уже первые сведения о выдвижении народом кандидатов на почетные посты судей и народных заседателей. В Татарской АССР выборы назначены на 19 декабря. Кого же выдвигают трудящиеся на почетный пост народного заседателя? Вот сообщение из Казани: выдвинуты Герой Советского Союза Алтынов, писатель Тази Гиззат, доценты ветеринарного института Трофимов и Иванов, лучшие стахановцы Ахметзянова, Пожилуева, Дарьин и другие.

Такого суда нет и не может быть в странах капитализма. Естественно, что такого суда не было и в царской России. Вспомним картину царского суда, которую нарисовал в рассказе «Трое» Алексей Максимович Горький:

«Петруха сидел в первом ряду малиновых стульев, опираясь затылком о спинку стула, и спокойно поглядывал на публику». Этот трактирщик — вор, убийца сына — был присяжным. «Выше Петрухи и сзади него сидел штукатур — подрядчик Силачев... Про Силачева говорили, что однажды на работе, поссорившись с мастером, он столкнул его с лесов, — мастер похворал и помер. А в первом ряду, через человека от Петрухи, сидел Додонов, владелец большого галантерейного магазина... человек жестокий, скупой, дважды плативший по гривеннику за рубль».

А у нас на почетном месте за судейским столом сидят подлинные представители народа, народные заседатели. Такие, как Ахметзянова, Пожилуева, Дарьин. Они принесут в советский суд атмосферу завода и колхоза, борьбы за план и урожай, за рентабельность и экономию, атмосферу борьбы за пятилетку. И если перед судом предстанет бракодел, расхититель, прогульщик, — такой народный заседатель, имеющий одинаковые права с судьей, всегда найдет правильное решение, выразит волю народа.

Существующий порядок, когда народный заседатель выполняет свои судебные обязанности не более 10 дней в году, обеспечивает массовое участие народа в советском суде. Тысячи советских людей проходят здесь школу государственного управления, вместе с тем связывая суд с народом, обогащая его народной мудростью, повышая его авторитет.

Советский народ пред'являет большие морально-этические требования к своим судебным работникам.

«Вот если бы меня спросили, какое лицо может занять место судьи, — говорил М. И. Калинин, — кто может быть в нашем государстве сейчас судьей, я бы сказал, что судья должен обладать знаниями хотя бы в пределах коммунистического университета, это должен быть человек..., который имеет большой общественно-политический опыт, умеет разбираться в людях, и я еще должен к этому прибавить, — культурный человек».

Может ли быть избран судьей человек без юридического образования? Ведь образовательного ценза при выборе судьи у нас не требуется. Может. Но в помощь таким судьям существуют у нас юридические курсы и система заочного высшего и среднего юридического образования. Партия, советское правительство и лично товарищ Сталин уделяют большое внимание росту и воспитанию кадров советских юристов, призванных выполнять важнейшие государственные обязанности. Эта забота нашла свое яркое выражение в принятом два года назад постановлении ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране».

Широко участвуют в советском судебном аппарате национальные кадры. В составе народных судей РСФСР представлено более 50 национальностей. В Грузии 88 процентов всех народных судей — грузины. В Азербайджанской ССР в 1947 году в составе народных судей было 83.2 процента азербайджанцев.

В большинстве капиталистических стран женщина-судья — редчайшее явление. А у нас в 1947 году свыше трети всех судей были женщины. Недавно издательство «Искусство» издало первый плакат к выборам народных судей, и художник изобразил в качестве судьи женщину. Так отложилось в сознании художника, в сознании всего народа право советской женщины на работу в суде.

Наш суд ставит перед собой трудную и благородную задачу — активно способствовать искоренению пережитков капитализма в сознании людей. Воспитательная роль советского суда особенно возросла сейчас, в период перехода от социализма к коммунизму.

В этом — еще одно коренное отличие советского суда от суда буржуазного, который в эпоху империализма особенно обнажает свою карательную сущность. В США наряду с судебными органами действуют Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности и Федеральное бюро расследования (полицейская охранка). Кроме того, в руках крупных капиталистов — различные частные «бюро», отряды «промышленной полиции», шпионы, штрейкбрехеры и т. п. В тех случаях, когда нехватает всех этих «легальных» форм подавления, есть еще резерв — «суд» Линча, самосуд.

Их «правосудие» никогда не ставило и не может ставить задач воспитания граждан. Весьма показательна система оплаты судей в США: в ряде штатов они оплачиваются в зависимости от количества рассмотренных дел. По свидетельству комиссии Викершама, знакомившейся с деятельностью судов в различных штатах, судья в штате Виргиния при вынесении обвинительного приговора получает вдвое больше вознаграждения, чем при оправдании подсудимого...

Советский народный суд всей своей деятельностью воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, в духе честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

Остановимся на институте условного осуждения, которое часто применяют наши суды. Человек, совершивший случайный проступок и осознавший свою вину, признается виновным, ему определяется наказание, но суд вправе не приводить приговор в исполнение, чтобы дать ему возможность исправиться.

За границей, как правило, условные осуждения не применяются. Зато там процветает система штрафов. Вот совсем свежий, но ставший уже классическим, пример из практики судов по денацификации, существующих в Бизонии. Матерый фашист вносит 2.000 марок и выходит на свободу. А трудящегося человека, который не имеет таких денег, за малейший проступок отправляют в тюрьму.

Великая прогрессивная роль Советского Союза в области судебного законодательства с особой силой выражена в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни», акте, имеющем всемирно-историческое значение.

Характерный факт: когда в октябре 1948 года советская делегация внесла на заседании Комитета Генеральной Ассамблеи по социальным, гуманитарным и культурным вопросам предложение об отмене смертной казни в мирное время, англо-саксонские «демократы», до хрипоты кричавшие о гуманности и правах человека, встретили это предложение в штыки. Им нужна смертная казнь и в мирное время для подавления революционного движения. Они фабрикуют сейчас фальсифицированные процессы, творят жестокую расправу с деятелями прогресса.

Законы советского суда — выражение воли всего советского народа. Товарищ Сталин говорил, что в нашей стране «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива».

Не случайно, что одновременно с Указом от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» издан Указ «Об усилении охраны личной собственности граждан». Советский народ видит в народном суде защитника своих прав и законных интересов, гарантированных Сталинской Конституцией.

С гордостью за социалистическую демократию, за великую нашу страну, за родное советское государство придут советские люди на выборы своего подлинно демократического, подлинно народного суда.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КАК НЕ НАДО ТОРГОВАТЬ КНИГАМИ

В Рязанской области книгами торгуют многие организации: Когиз, Облпотребсоюз, Союзпечать и др. Казалось бы, что при наличии такой широкой торговой сети книжная торговля должна быть поставлена образцово. На деле это не так.

Торгующие организации предпочитают распространять литературу в областном центре, в крупных городах области, проявляя мало заботы о трудящихся, живущих в остальных населенных пунктах. Так, например, в Рязани на улице Подбельского имеется магазин Когиза, а рядом с ним торгуют лотошники Союзпечати. Союзпечать направляет литературу в районы, где имеются магазины Когиза, и не посылает ее туда, где магазинов Когиза нет.

В результате, Ижевский район получил 50 экземпляров книги «Справочник председателя колхоза» (30 через Когиз и 20 через Союзпечать) при наличии в районе тридцати колхозов. А в 14 районах, обслуживаемых только Союзпечатью, имеется по одному экземпляру этой книги на два колхоза. Книгу академика Лысенко «О положении в биологической науке» и стенографический отчет сессии Академии сельскохозяйственных наук Союзпечать распродала в основном в Рязани.

Попытки Когиза согласовать с остальными торгующими организациями порядок распространения литературы встретили резкий отпор со стороны начальника областного отдела Союзпечати т. Волкова. Директор культбазы Облпотребсоюза т. Булгаков продолжает торговать учебниками без согласования с областным отделом народного образования. Он направляет их в те районы (Клепиковский и др.), школьники которых уже получили учебники через Когиз.

Пора навести порядок в книжной торговле в Рязанской области.

Е. КАЛАШНИКОВ

РЯЗАНЬ.

БЕЗДЕЙСТВУЮЩИЕ РАДИОУЗЛЫ

Несколько лет назад в Андижанской области Узбекистана было восемь районных редакций радиовещания. Они обслуживали десятки колхозов. Но за последние годы сеть радиоустановок значительно сократилась. Редакции радиовещания сохранились лишь в городе Ленинске и в Джалял-Кудукском районе.

Еще в прошлом году многие хлопководческие колхозы Ходжиабадского, Ленинского, Мархаматского и Андижанского районов обратились в областную контору «Сельэлектро» с просьбой построить колхозные радиоузлы. На их оборудование контора получила сотни тысяч рублей. Но радиоузлы еще не вступили в строй.

В очень тяжелых условиях работают редакции областного радиокомитета. Они не имеют средств не только на командировки сотрудников, но и на телефонные переговоры с районами. Узбекская и русская редакции помещаются в коридоре площадью в 4 кв. метра, а в то же время четыре комнаты радиоузла используются под жилье.

Ф. ПОГОРЕЛОВ,
редактор Андижанского областного радиокомитета.

Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Фельетон

Жук-низкопоклонник

О том повести мы намерены речь,
Что книги, товарищи, нужно беречь.

Хранить их от плесени, сырости, пыли,
Следить, чтоб страницы не загнуты были,

Чтоб в них не завелся жучок-книгоед,
Другие жучки, что наносят им вред.
Раз книга наш друг, значит, вывод таков:
Беречь надо книгу от всяких жуков.

Мы знаем такого ученого мужа
(Возможно, и вам он известен не хуже!)

О нем мы расскажем
Без всяких намеков.
Он неутомимый
Искатель истоков.

Прочтет он у Пушкина несколько строк,
Ну, скажем: «Мой дядя... когда занемог...»

И тотчас начнет разбирать эти строки,
Искать их «генезис»,
Их корни,
Истоки.

Где Пушкин взял дядю?
Зачем?
Почему?
Откуда пришел этот дядя к нему?

Он роется в грудах трактатов и книг,
Чтоб выследить
и рассмотреть досконально,

Где пушкинский дядя
Впервые возник,
И где находился он
Первоначально.

Он делает множество выводов смелых,
Он дядю находит в индусских новеллах,
Где он, принужденный в постели лежать,
Впервые заставил себя уважать.

Он вам сообщает последнюю версию,
Что дядя пришел из Ассирии в Персию,

Проник незаметно
В фольклор Полинезии,
Оттуда в сюжеты
Норвежской поэзии,

Потом промелькнул
В византийском сказании,
Потом водворился
В театрах Испании,

Потом в Византию вернулся обратно,
Где Пушкин его и нашел, вероятно,
И тотчас же вставил,
Как видели все мы,
В начало своей
Гениальной поэмы.

Поэтому нет никакого сомненья,
Что дядя персидского происхожденья,
А, значит, Онегин, племянник его,
Был персом.
И это важнее всего.

За что этот жук-книгоед не берется,
В особенном свете подносит он нам.
Допустим, корабль одинокий несется
По синим и с детства знакомым волнам.

Немедленно наш теоретик с разбега
Бросается вниз головой в старину.
Корабль он находит у Лопе-де-Вега,
У Байрона где-то находит волну.

Найдя и учтя совпадение это,
Приходит он к выводу в тот же момент,
Что есть в гениальных твореньях поэта
Отчетливый англо-испанский акцент.

Безмерно довольный открытьем таким,
Ученый к трудам переходит другим.

Допустим, находит он фразу, в которой
Есть маленький мальчик, зима и мороз
И где поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

Тотчас книгоед
Устремляется к цели,
Он ищет источники
И параллели,

Он роется в книгах,
В старинных бумагах,
В забытых легендах,
В балладах и сагах,

Он классифицирует
Все по порядку,
Он каждую строчку
Берет под вопрос,

И вот, наконец,
Он находит лошадку,
И рядом с лошадкой
Находит он воз.

Страницу исследовал он за страницей,
Пока не созрела уверенность в нем,
Что воз этот грекам
Служил колесницей,
А лошадь служила
Троянским конем.

Откуда им хворост заимствован был,
Поэт от своих современников скрыл,
Хотя и пытался узнать у парнишки,
Спросив мимоходом:
— Откуда дровишки?

— Из лесу, вестимо!
Таков был ответ,
Которым пытался прикрыться поэт.

В лесу раздавался
Топор дровосека,
По всей вероятности,
Древнего грека.

Так значит, некрасовской темы истоки
Искать надо где-то на юго-востоке,
Откуда Некрасов к себе перенес
Лошадку, везущую хворосту воз.

Примерно таков этот жук-книгоед,
Большой нашим книгам наносит он вред.

Истоки искателя этих истоков
Искать не приходится очень далеко.

Они среди тех,
Кто, колен не жалея,
Пред всем иностранным
Склоняются, млея,

Кого не свои
Вдохновляют поэты,
А лишь зарубежные
Авторитеты,
Перед которыми
И лебезит
Вышеозначенный
Жук-паразит.

И вывод наш, значит, опять же таков:
Беречь нужно книги от всяких жуков.

БУМСБЫТ или БУМГРОБ?

На товарном дворе ст. Москва Калининской железной дороги вдоль полотна почти на полкилометра тянутся штабели бумажных ролей, сваленные прямо на землю, ничем не прикрытые, отданные дождю и снегу на уничтожение... Здесь можно найти бумагу любых сортов. Большая часть этого неоценимого богатства лежит здесь уже несколько недель. За это время прошли дожди, бумага основательно подмокла. Затем ударил легкий морозец, довершивший начатое дождями дело. В результате сотни тонн ценнейшей бумаги погибли или испорчены.

В этом виновата администрация товарной станции, которая выгружает бумагу из вагонов прямо на землю, не соблюдая элементарных правил хранения такого ценного груза.

И затем — виноваты хозяева бумаги: Московская контора Главбумсбыта и Московская фабрика беловых товаров. Неделями не вывозят они бумагу, адресованную им (транжиря к тому же государственные средства на оплату пятикратных штрафов за просрочку хранения).

Неужели железнодорожники не понимают, что бумага — груз особый и требует к себе особого отношения? Работники бумсбыта подобным отношением к важному делу продвижения грузов к потребителю превращают свой бумсбыт в бумгроб.

С. ДМИТРИЕВ

Сергей МАРКОВ

Ревнители родного края

1.

О мощной тяге советского народа к изучению богатств Родины, к краеведению мне было давно известно по письмам из Тотьмы, Великого Устюга, по поездкам к синему озеру Лаче и знакомству с краеведами, музейными работниками, исследователями нашей страны — от Заилийского Алатау и Камчатки до Каргополя и Мологи.

Вспоминается невольно редактор газеты в Нюксенице, что на Сухоне, — Чулков. Редактируя газету «Бригадир», выходившую на двух страничках, Чулков ухитрялся в каждом номере помещать заметки о богатствах Сухонского края. Он устроил в Нюксенице музей. Это был, вероятно, первый случай в истории советской печати, когда музей был организован при редакции газеты! Узнав, что здания села Нюксеницы, в том числе и дом редакции, стоят на россыпях чистейшего хрустального и «оптического» стекла, Чулков потерял покой. Он хлопотал до тех пор, пока не начались промышленные разведки и не было добыто сырье, по качеству своему превышающее кварцевые пески Голландии и Франции.

В музей шли стар и мал, сообщая Чулкову вести о новых находках. Редактора «Бригадира» видели на берегах Уфтюги, где он, подружившись с сельскими кузнецами, собирал образцы «окаменелых деревьев», горевших в кузнечных горнах. У Чулкова был помощник Аким Березин, которому в то время было около восьмидесяти лет. Он помог открыть развалины «Чудского городка», древние рудничные отвалы в Кокшеньге, пещеры, в которых делали привалы новгородские ушкуйники, следы смолокуренных и селитряных заводов XV века у Шебеньги, разоренных во время войны Василия Темного с Шемякой.

Чулкова все знали и любили, ему помогал народ, его поддерживали районные партийные и советские организации. Они понимали, что редактор «Бригадира» занят важным, подлинно государственным делом изучения истории и природных богатств местного края.

Жители Печорского района Псковской области по собственному почину стали исследовать свой край. Ревнители родной земли, на полях сражений со Стефаном Баторием, около древних крепостей Изборск и Печоры, собрали более 200 ценных исторических предметов; в других местах добыли образцы богатств земных недр. Председатель Печорского райисполкома тов. Гвоздев решил, что в Печорах надо создать музей. Но ходатайство его до сих пор лежит в Псковском облисполкоме.

В Пскове много людей, любящих настоящую и прошлую славу родного края. Местные ученые краеведы, историки, художники — И. Ларионов, Л. Творогов, Ю. Спегальский, Г. Попов, мичуринец И. Пухов и другие — обогащают Псковский музей новыми разысканиями, находками, рукописями, рисунками...

Тяга народа к краеведению, к науке ярко проявляется и в Ивановской области. Там есть село Ильинское, районный центр, каких в нашей стране тысячи. Среди ильинцев много следопытов, исследователей, краеведов. В 1944 году районный музей в Ильинском имел всего 725 экспонатов, в 1948 году музей располагает 8.000 ценных предметов. Чем об'яснить рост музейного богатства? Директор музея, старый учитель Д. Чернявский, тесно связан с народом. Все исторические, палеонтологические и археологические экспонаты, образцы природных богатств района, изделия местных артелей кустарей, сортовые семена с полей колхозов, выставленные в музее, собраны руками местных жителей. В Ильинском плодотворно работает отделение Научного краеведческого общества, и в этом отношении село Ильинское равняется со старым городом Кинешмой. А ведь в работе Д. Чернявского много трудностей.

Музей не имеет хорошего помещения, трудновато со средствами, но, тем не менее, сельский музей растет. Это потому, что народные краеведы любят свое дело и получают поддержку и помощь местных партийных и советских организаций.

Наши краеведческие музеи ведут серьезную научную работу, умело подчиняя ее борьбе советского народа за досрочное выполнение плана послевоенной пятилетки. Недавно я побывал в Боровичах. Если вы хотите знать, как боровичские гончары и странствующие печники в XIX веке создали замечательную керамику и как сейчас работают местные заводы огнеупоров, поглядите на витрины музея, которым руководит С. Поршняков, действительный член Географического общества СССР. Он — археолог, открывший на озерных берегах стоянки людей каменного века, биограф своих знаменитых земляков, библиограф, зоолог и ботаник. Краеведческой и музейной работой С. Поршняков занимается около четверти века. От Боровичского музея тянутся нити и в Академию наук СССР, и в научные учреждения Ленинграда и Риги, Москвы и Барановичей. Директор Боровичского музея ведет обширную научную переписку. Ему пишут письма писатели, керамики, архивные работники, садоводы.

Вокруг музея работает группа молодых научных работников. Боровичский шофер Василий Иванов, бывший танкист, страстный исследователь богатств края, помогает директору музея в сборе экспонатов. Сейчас он пишет историю родного города. Арямову Михаилу Александровичу, рабочему-сезоннику, музей обязан обширными, ценными сведениями о местной природе, об истории боровичской промышленности. Журналист Виталий Горновский имеет две научных специальности — он и археолог и фольклорист: летом со школьниками проводит раскопки древних русских поселений, зимою записывает по селам народные сказания. Друзья городского музея активно помогают благоустройству и озеленению Боровичей, заводам огнеупоров — в поисках новых залежей сырья, колхозникам района — в разведении мичуринских яблонь.

Вот так и должен работать каждый краеведческий музей.

2.

Изучение истории местного края, жизни и деятельности героев его помогает нам бороться за приоритет отечественной науки, против космополитизма, укрепляет чувство советского патриотизма, благородной гордости за расцвет социалистической культуры.

Но не везде политический и исторический кругозор музеев так широк. На псковской земле родился друг адмирала В. Головнина — тихоокеанский мореплаватель П. Рикорд, устроитель Камчатки. Известный государственный деятель А. Ордын-Нащекин, еще до Петра Первого радевший о выходе России к Балтике, много сделал для умножения славы и богатства Пскова. Путешественники, воины, ученые, мореходы оставили свои следы в родном Псковском крае. Но попробуйте найти в Псковском музее историю их жизни и подвигов. Там нет и намека на биографии знатных земляков.

Великая Отечественная война, доблестные подвиги псковских партизан, возрождение Пскова, успехи псковских льноводческих колхозов, новые льнозаводы на карте области — все это забыто музейными работниками. Просто диву даешься, как это музей позабыл о годах войны, о пятилетнем плане восстановления и развития Псковской области. Поразительный пример политической слепоты!

В Иваново, колыбели русского ткачества, стены музея до сих пор не украшены картами хлопковых областей Союза ССР, откуда стекается в Иваново «белое золото». А я, как и все посетители музея, хотел бы видеть в этом музее глобус, опоясанный нескончаемой лентой из тканей ивановских фабрик, карту распространения текстильных изделий Иваново по земному шару, показ пятилетки ивановского текстиля.

На «Большой Ивановской мануфактуре» более половины столетия трудится с резцом в руках заслуженный гравер П. Тачин. Он охотно расскажет вам о том, как его рисунок для тканей — знаменитые «слоны» — обошел все страны Востока — от Китая до хижин Индии и заоблачных селений Тибета! Ивановский музей и «Большая мануфактура» стоят друг против друга. Стоит лишь перейти улицу. Но музей молчит об удивительных работах русских мастеров «ситцевой гравюры...»

Ивановский музей бедно отразил историю революционного движения, особенно памятные события 1905 года в Иваново-Вознесенске. Газетные вырезки, выцветшие фотографии — вот все, чем музей почтил память героев первой русской революции. Непростительно, что совершенно отсутствует показ революционной и военной деятельности М. В. Фрунзе и Дм. Фурманова. А ведь М. В. Фрунзе в свое время заботился о музее Иваново: в 1920 году он прислал родному городу редкостный подарок — наряд эмира бухарского и четыре эмирских сабли, украшенные персидской бирюзою.

Не показана в музее и героическая работа стахановцев текстильных фабрик, которые прославили на всю страну ткани Иваново, Вичуги, Шуи, Кинешмы.

Иваново — огромный советский город. К концу пятилетки он будет еще больше, красивее, наряднее. Но Ивановский музей не показал плана реконструкции известного всему миру города советского текстиля. Две-три выцветших фотографии с чертежей и макетов ютятся где-то в углу музейного зала. И это все!

Музей, забывший о жизни и истории родного края, — это уже не музей, это — хаотическое собрание разрозненных экспонатов. Пропагандистская и научная сила каждого музея зависит прежде всего от связи его с пятилетним планом родного города, района, с трудовой жизнью местных жителей. Это обогащает сокровища музея, привлекает к нему посетителей — краеведов, исследователей, ученых.

3.

Работники Музейного управления Комитета по делам культурно-просветительных учреждений в Москве, вероятно, лишь простодушно удивятся, узнав, что делается иногда на местах с музейными фондами. В Иваново находится грандиозный музейный фонд, накопленный Д. Бурылиным, создателем городского «Собрания древностей и редкостей». Каменные истуканы «Скифии», египетские, греческие и римские изваяния, мозаика Помпеи, образцы искусства Японии, Китая, Персии, стран Америки, оружие древней Руси и стран Востока — все это собирал Д. Бурылин. Об'емистые альбомы заключают в себе не менее 500 тысяч образцов разных тканей, выделанных руками ткачей многих народов мира. В фонде есть рисунки для тканей работы русских самоучек, есть книги рецептов красок и образцы красителей, так необходимых именно сейчас нашим текстильным фабрикам. Украшение «бурылинского фонда» — собрание ста тысяч монет всех стран и народов. «Бурылинский фонд» не исследован музейными работниками. В Иваново этот фонд никогда полностью не будет развернут. Нужны ли Иваново эти мертвые сокровища?

Музейному управлению пора создать **Государственный обменный музейный фонд,** который взял бы на учет все запасные фонды местных музеев и разумно распределил их между музеями и научными учреждениями страны. Сейчас в Пскове редчайшие русские свитки и арабские рукописи «хранятся» в сырой кладовой «Солодежной палаты». В таких условиях находятся фонды многих музеев. И в то же время большинство экспозиций местных музеев похоже скорее на архив «Бюро вырезок», чем на живые картины истории и современной жизни нашей страны.

***

Советские музеи — мощные центры наглядной агитации за послевоенную пятилетку, научной инициативы советского народа. Именно в музеях народ приобщается к истории и культуре родного края и одновременно творит новую науку о родном крае. Каждый краеведческий музей должен быть зеркалом истории и современной жизни, природы и промышленности, сельского хозяйства республики, области, района. В лице краеведов, друзей и активистов музеев мы имеем огромный резерв молодых научных работников. Надо окружить вниманием, заботой краеведческие музеи. Жизнь показала, что там, где в работе музея участвует народ, где местные партийные и советские организации помогают работе краеведов и музейных работников, — краеведческие музеи превращаются в действенные, политически целеустремленные очаги наглядной агитации за пятилетку, в подлинные научные центры советской страны.

БОРОВИЧИ—ПСКОВ—ИВАНОВО.

Анна КАРАВАЕВА

ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

Романтика профессий

Редакция «Литературной газеты» получает много писем от своих читателей. Со всех концов нашей необ'ятной советской земли пишут люди разных профессий, возрастов, национальностей, характеров. Прочли ли вы многие или только небольшую часть этих читательских писем, вас неизменно порадует особенно одна, общая всем черта: как правило, авторов этих писем волнуют не вопросы эгоистические, узко личные, а явления общественной жизни.

Обращения читателей в редакцию «Литературной газеты», представляя собой своеобразный «счет» к писателям, являются и выражением большого доверия к ним. Авторы писем для того-то и обращаются к писателям, чтобы затронутые читателями вопросы (заслуживающие, понятно, общественного внимания) были освещены живо, впечатляюще, разносторонне.

Начальник отдела организации торговли и общественного питания Главурса Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР тов. Хвощов написал в редакцию «Литературной газеты» письмо по вопросам торговли. В этом письме тов. Хвощов высказывает глубокую обиду по адресу некоторых талантливых и популярных произведений советской литературы. Он возмущается тем, что изображенные в этих произведениях работники советской торговли и снабжения показаны только мошенниками, пособниками спекулянтов, пошляками, тупицами и т. д.

Тов. Хвощов считает галлерею неприятных литературных персонажей порождением барски-пренебрежительного отношения литератора к работникам советской торговли. Он видит корни этого явления не только в незнании дела, но и в отсталом его понимании. Резкость упрека корреспондента по нашему писательскому адресу заставила меня призадуматься. В годы нашей юности по произведениям Максима Горького мы учились ненавидеть и презирать смрадный, жестокий мир лавочников Семеновых и всех им подобных. Читая роман Золя «Дамское счастье», мы думали: как отвратителен этот мир наживы, для каких презренных паразитов, бездушных кукол, прожигательниц жизни созданы эти универсальные магазины, о которых говорится в романе Золя!..

Наша советская торговля — это огромное государственное дело, успехи которого чрезвычайно важны для всего народного хозяйства. В своем докладе на XVII с'езде партии товарищ Сталин говорил: «...в рядах одной части коммунистов все еще царит высокомерное, пренебрежительное отношение к торговле вообще, к советской торговле, в частности. Эти, с позволения сказать, коммунисты рассматривают советскую торговлю, как второстепенное, нестоящее дело, а работников торговли — как конченных людей. Эти люди, очевидно, не понимают, что своим высокомерным отношением к советской торговле они выражают не большевистские взгляды, а взгляды захудалых дворян, имеющих большую амбицию, но лишенных всякой амуниции. Эти люди не понимают, что советская торговля есть наше, родное, большевистское дело, а работники торговли, в том числе работники прилавка, если они только работают честно, — являются проводниками нашего, революционного, большевистского дела».

В нашей стране, с ее все возрастающей покупательной способностью населения, два с половиной миллиона работников торговли являются необходимейшими «винтиками», труд которых вращает огромный маховик нашего социалистического товарооборота. В одном из крупнейших универмагов Москвы я узнала: только один этот универмаг дает за год полтора миллиарда оборота. К 1950 году товарооборот в СССР будет достигать 275 миллиардов рублей, — богатейшему делу укрепления экономической мощи нашего государства служат работники торговой профессии! Да, эта профессия не хуже всякой другой и не такая уж простенькая. Продавцы-специалисты и особенно товароведы, имеющие десятки лет стажа, зримо и богато знают «географию» всех товаров, которые мы покупаем. Шерсть, ситец, лен, кожи, шелк, меха, изделия из металла, стекло, хрусталь, фарфор, ковры, — все эти колоссальные потоки товаров с разных концов нашей необ'ятной земли доводятся до нас заботливыми руками скромных работников торговли.

Приятно думать, что эта профессия «без героики». Вспоминается мне краткое знакомство в одном из госпиталей города Свердловска в дни Великой Отечественной войны с молоденькой девушкой, которая была ранена в голову и плечо. Раненые относились к ней, как к «своему братишке», и нежно звали ее «наша Машенька». Продавщица Военторга, пытаясь со своей походной машиной «проскочить» («бойцам же папиросы нужны!»), попала под обстрел врага.

Наш корреспондент тов. Хвощов справедливо напоминает, «что без простых вещей — хлеба, папирос, горячих обедов, спецовок, сапог ни одна стройка не будет успешной».

Очень сходно по своему настроению письмо профессора Вейцмана, который пишет в редакцию «Литературной газеты»: «Сколько сердечного тепла находят художники слова для изображения советских рабочих и колхозников, ученых, деятелей искусства, врачей, педагогов, бойцов и командиров Советской Армии. Но тщетно стали бы мы искать в этой плеяде самоотверженных, преданных Родине людей — представителей счетного труда, тех, кто несет нелегкое бремя контроля за сохранность социалистической собственности».

Продолжая мысль автора письма, следует напомнить: работники учета ведь не только обязаны контролировать, а и отмечать движение вперед решительно во всех областях народного труда. Коллективы заводов, колхозов, совхозов могут отправить телеграмму по адресу «Москва, Кремль, И. В. Сталину» только тогда, когда цифры выполнения ими государственного плана поют победу. А эти поющие цифры в первую очередь выводит и отвечает за них бухгалтер. А поднимемся выше, к главным рычагам управления государством. Министерство финансов, как известно, руководит распределением и расходованием денежных сумм и накоплениями нашего общего богатства. Но как смешон был бы в наших глазах человек, который стал бы утверждать, что работа Министерства финансов заключается только в цифрах! Мы знаем их цену. Цифры, выведенные в строгие шеренги учета крупным ли специалистом финансового дела или скромным бухгалтером правления колхоза, — имеют значение государственное. Вы совершенно правы, профессор Вейцман, говоря, что «современный бухгалтер — это не только организатор учета. Он и финансист, и плановик, и знаток налогового дела, и юрист, и, наконец, аналитик, всесторонне изучающий деятельность предприятия». И эта профессия, очень уважаемая народом, и является необходимейшим «винтиком» нашей государственной жизни.

Письма тт. Хвощова и Вейцмана полезны не только своей критикой недостатков нашей литературной работы. Они напоминают нам, советским писателям, о все возрастающих и справедливых требованиях к нам советского общества. Это общество, основанное на принципах свободного труда, вправе требовать от писателей более широкого кругозора и горячего, неустанного интереса к преобразовательным деяниям советского народа. К этому призывал нас Горький.

Кому же, как не нам, писателям, пробуждать и воспитывать в людях с первых лет их сознательной жизни гордость своим трудом, умение находить в нем поэзию, романтику и глубокое сознание его пользы для народа.

Письма читателей в редакцию «Литературной газеты» еще раз свидетельствуют, что наше советское общество ждет от писателей не только взволнованного отклика современника, но и надежного содействия государственному делу, содействия силой живого, вдохновенного слова, поддержанного авторитетом советской литературы.

Подлинно романтическое отношение к своей профессии чувствуется в письме профессора Васильева о лесонасаждениях. Профессор Васильев абсолютно прав, говоря, что уже назрела «необходимость широкого включения в сферу художественного слова и кино вопросов советского лесного дела...» Профессор Васильев с полным правом задает свой укоризненный вопрос: «Но почему же все-таки наших писателей не привлекает эта область? Почему наши писатели предпочитают нередко отдавать свой талант популяризации какого-нибудь факта, представляющего интерес всего лишь для десятков людей, в то же время сторонятся от вопросов лесного дела, затрагивающего интересы миллионов советских людей? Мы смеем думать, что это об'ясняется просто тем, что наши писатели плохо еще знают наши леса, плохо вникают в то, что сейчас происходит в области лесного дела...»

Писатели будут знать леса, могу вас уверить, профессор Васильев! Они с огромным волнением читали историческое постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) о великом сталинском плане преобразования природы и наступления на засуху. Этот грандиозный план, невиданный в истории человеческой культуры, владеет сейчас мыслями многих писателей, в том числе и моими. «Переделка всей лесной географии страны», по выражению профессора Васильева, заключает в себе множество прекрасных, благородных для человека перемен, запланированных большевистским научным предвидением.

В «Литературную газету» пишут люди самых различных профессий: начальник отделения Хабаровского центрального телеграфа Г. Полыгейм, студент МВТУ им. Баумана В. Одинцов, бухгалтер Н. Старов, политпросветработник Х. Фомин и многие, многие другие.

Они считают, что наша литература еще не раскрыла всю ту поэзию и красоту, которыми исполнены их профессии. Эти взволнованные письма — голоса нашей богатой, содержательной жизни. Они — яркое свидетельство того, каким новым, жизненным, реальным содержанием наполнилось в наше время понятие прекрасного. В нашей стране каждая профессия стала романтической. И задача писателей — раскрывать эту романтику нашей реальной жизни.

Новое издание произведений Тараса Шевченко

КИЕВ. (Наш корр.). В Институте украинской литературы Академии наук УССР под председательством академика А. Корнейчука состоялось заседание правительственной комиссии по изданию произведений Т. Г. Шевченко. Комиссия утвердила план издания трехтомного собрания сочинений великого кобзаря, подготовленного к печати Государственным издательством художественной литературы УССР.

В первый том войдут все поэтические произведения Шевченко, во второй — повести, в третий — его драматургические произведения, письма и дневник Шевченко. Все издание будет богато иллюстрировано снимками и репродукциями с картин Шевченко.

Главными редакторами трехтомника утверждены: по первому тому — Д. Капица, по второму — вице-президент Академии наук УССР А. Белецкий, по третьему — академик А. Корнейчук.

В обсуждении плана издания приняли участие члены правительственной комиссии и действительные члены Академии наук УССР П. Тычина, М. Рыльский и другие.

Директор Гослитиздата УССР А. Борецкий сообщил комиссии, что издание трехтомника сочинений Шевченко будет полностью закончено в первой половине 1949

ПЬЕСА, СПЕКТАКЛЬ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей ЛЬВОВ

1.

Рассказывают: на партийной конференции одного из районов Крыма был задан вопрос: «Почему среди делегатов нет полковника Воропаева?» Пусть наивна форма вопроса. Не в этом суть. Важно заключенное в нем свидетельство жизненности образа и книги. Именно оно дало возможность ответить:

— Воропаева на конференции нет, **Воропаевы — есть!**

Образ коммуниста, созданный в романе «Счастье», властно вошел в жизнь. Его имя стало нарицательным. Мы полюбили умную, великолепно написанную, по-настоящему партийную книгу. И вот теперь на театральной афише видим список действующих лиц новой пьесы. Читаем: Воропаев Алексей Вениаминович, — и с некоторым недоверием и опаской задаемся вопросами: не самозванец ли? Не меньше ли, не беднее ли счастье героев пьесы по сравнению с тем, которое с торжествующей силой утверждает роман?

Огромна сила воздействия театра. Если новая пьеса даст возможность образам, созданным П. Павленко, зажить настоящей, живой жизнью на сценах наших драматических театров, — идейное богатство, заложенное в книге, найдет еще один и очень важный путь к зрителю, народу.

2.

Ночь. Полуразрушенная пристань. Шум прибоя. Свист ветра. Неприветливо встречает Крым колхозников-переселенцев. Тревожен ритм первой картины. Во всем, что говорят и делают приехавшие, чувствуется невысказанный вопрос: как будем жить? «К весне разбегутся», — словно отвечает на него моряк, обращаясь к немолодому хмурому полковнику, которого он провожал с парохода. «Желаю счастья», — говорит он, уходя. На сумрачной, опустевшей пристани, по которой только что пробегали встревоженные и растерянные новоселы, в воздухе, где едва замер хватающий за душу отвальный гудок парохода, пожелание счастья, обращенное к смертельно усталому и, видимо, тяжело больному человеку, звучит не очень уверенно. Воропаев (артист И. Соловьев) недоверчиво переспрашивает: «Что?», а потом невесело благодарит. Интонация яснее слов: от мысли о счастье он отказался.

Очевидно, впервые за всю свою долгую партийную жизнь Воропаев пришел в райком партии не по партийному, а по личному делу. Он сидит, устало откинувшись в кресле, против секретаря райкома Корытова (артист И. Прокофьев) и рассказывает о себе. Ранен. Болен. Отвоевался. Он говорит скупо, но каждый жест его приподнимающейся и вновь тяжело падающей руки выглядит так, будто он только что выронил из нее свое большое счастье. А оно было. Было совсем недавно. Были славные походы, были боевые друзья, была большая любовь, была жизнь, заполненная святым, нужным народу делом.

Но секретарь райкома плохо слушает Воропаева. У Корытова другие заботы. В разоренный войной район каждый день прибывают переселенцы, а транспорта нет, нет топлива, света и даже ужина, чтобы накормить приезжего усталого человека. И убедившись, что Воропаев не пойдет ни на какую работу, а хочет только крова и покоя, Корытов торопливо дает необходимую бумажку и уходит, нет, убегает туда, где его ждут неотложные, набегающие друг на друга и все самые срочные дела. Работник райкома — Лена Журина (артистка И. Киселева), разговорившись с оставшимся в кабинете Воропаевым, включает радио. Сводка: корпус генерала Романенко переправился через Дунай.

«Корпус Романенко переправляется!» — почти выкрикивает Воропаев, и вдруг внутренний порыв поднимает усталое тело, он протягивает руку к фуражке... безнадежно падает рука, еще глубже оседает он в кресле. «Недавно это было, а как в прошлой жизни... Я, Лена, вывалился из своего счастья, как из самолета...»

Сама жизнь вышла на сцену. Суровая судьба умного, талантливого человека, только что зачеркнувшего свое прошлое, а в нем большую гордую любовь, захватила нас. И когда из репродуктора, как зов далекого и недоступного счастья, звучит мелодия военного марша, мы не думаем: постановщик нашел выразительный сценический образ. Нет. Мы слушаем эту далекую музыку вместе с Воропаевым, с тем же щемящим чувством солдата, впервые оказавшегося вне строя, когда его полк, его армия, когда вся страна наступает!

Мы не думаем больше: удалась ли пьеса, удастся ли спектакль? Другая мысль занимает нас: что будет с полковником Воропаевым?

3.

Вот мы видим: растерялись на новом месте, на непривычной земле, в необжитых домах колхозники-переселенцы. Напрасно до хрипоты уговаривает их председатель колхоза выйти на работу — спасать виноградники. Изверившиеся люди словно не слышат его.

Воропаев попал сюда случайно, в поисках домика, хотя бы полуразрушенного, в поисках покоя. Но может ли он, коммунист, оставаться глухим к беде целого коллектива? Собственные беды отступают, они забыты. Воропаев обращается к собранию. Страстная речь. Она приоткрывает завесу над его прошлым. Каким могучим агитатором был он, наверное, на фронте, когда сила его большевистского слова укрепляла бойцов в обороне, вдохновляла и поднимала к атаке! Был? Но почему был? Людей, только что говоривших — «Одно осталось — бежать!», — захватил его волевой порыв. Они уходят за ним на виноградник, как на фронте шли в рукопашный бой.

И зал рукоплещет. Игре актера? Большевистскому слову агитатора? Или колхозникам — прекрасным советским людям, которым нужно было только сердцем напомнить о великой и еще не законченной народной войне, чтобы они вновь обрели себя? И тому, и другому, и третьему. Жизни, которая воплощена на сцене!

Вот в маленьком крымском дворике, у стены, сложенной из песчаника, лежит Воропаев. Штурмовка подорвала его силы. Спор с Корытовым, обвинившим Воропаева в партизанщине, окончательно уложил его. Он лежит и пересвистывается с птицами, а потом диктует милой, привязавшейся к нему всем сердцем девочке Лене Твороженковой (артистка Р. Губина) письмо на фронт, к любимой женщине: «Начинается новая жизнь, в которой я существо лежачее, пассивное, ненужное». Но жизнь опровергает это непосланное письмо. Люди, сплоченные и поднятые Воропаевым, приходят к нему за партийным советом, за душевной поддержкой.

«Я нужен, понимаешь... Смерть на неопределенное время откладывается!» — говорит Воропаев.

Сцены, где текст пьесы, игра актеров, режиссерская работа слились в живых, волнующих образах, определяют спектакль, поставленный В. Комиссаржевским и А. Лобановым. К сожалению, они чередуются со сценами, где этого слияния не произошло.

4.

С Наташей (артистка Н. Козлова) и Юрой Поднебеско (артист Г. Вицин) мы познакомились на пристани. Они успели пленить нас юношеской чистотой и силой своей любви. Вместе с Воропаевым мы стоим перед крохотным домиком, где живут Поднебеско. Появляется Юрий Поднебеско. Он в капоте жены. Длинная шея, голые беспомощные руки.

Странное дело! Юрий и Наташа чудесные люди. Они говорят прекрасные слова о душевном богатстве, завоеванном ими на фронте и не растраченном в невзгодах. Но чувство, что мы вместе с Воропаевым пришли в их дом, покинуло нас. Мы сидим в зале и следим, как способный актер стремится спастись из водевиля, на который он обречен своим одеянием. Пьеса и постановка разошлись, раздвоились в нашем представлении. Мы уже не говорим: какой хороший человек Поднебеско! — а думаем: способный актер Вицин, и жаль, что ему нужно тратить эти способности на борьбу с капотом.

Городцов (артист Д. Фивейский) всей душой привязался к Воропаеву, потому что коммунист Воропаев сумел показать ему перспективу будущего, раздвинуть горы, убедить, что и для его — городцовского — масштаба здесь найдется дело. Когда Воропаев заболевает, Городцов стремится оберечь его покой. Это очень естественно и по-человечески очень понятно. Но вдруг изгнание посетителей превращается для Фивейского в самоцель. Он так ожесточенно выбрасывает привезенные Воропаеву продукты (мало правдоподобная для 1944 года деталь!), что перемазывается в сметане... Слышишь смех, который кое-где раздается в зале и думаешь: неужели актеров и постановщика радует этот смех?

Мы совсем не против того, чтобы в зале смеялись. Но мы за тот смех, который вызывает неистощимая жизнерадостность Варвары Огарновой (артистка Э. Кириллова), ее настоящий юмор, ее душевная бодрость и теплота. Но мы против смеха, рожденного превращением умницы Городцова в малоинтересный водевильный персонаж.

Инсценировка, конечно, в меньшей степени, чем роман, передает развитие образов. И именно поэтому нам хотелось бы, чтобы спектакль использовал все возможности, заложенные в пьесе.

Совсем недавно воропаевский стиль творческого вмешательства в окружающее казался Корытову невероятным нарушением обычаев, плана, конструкций. Но жизнь и народ учат Корытова. И когда Воропаева хотят забрать из района, Корытов, именно Корытов, возражает против этого: «Отдать Воропаева нельзя. Укоренился в народе». Ведь это решающие для его собственной — Корытова — партийной судьбы слова. «Ты слепой, Корытов!» — кричал ему Воропаев недавно. И вот он начинает прозревать. Тут бы и раскрыть душевный перелом, тут бы и показать рост неплохого, но отставшего от жизни человека. Но И. Прокофьев играет эту сцену в той же манере, что и раньше, все в том же мелком масштабе, который годился для слепого Корытова, но который уже не годится, когда Корытов начинает прозревать.

5.

А ведь есть в спектакле настоящий камертон, которым можно определить верность его звучания. Это образ Лены Журиной, созданный совсем молодой артисткой И. Киселевой.

Лена мало говорит. Но ни разу из-за этого не возникает чувство, что пьеса дает мало слов актрисе. Лена Журина молчалива в жизни. У нее скупые, редкие жесты. Вот она об'яснилась с Воропаевым. И он и мы увидели: какой большой и чистой мерой измеряет она свое и его счастье. Порывистое движение. Лена потянулась к нему, чтобы положить голову на его грудь: «Милый вы мой!» — и отпрянула. Это — прощание. В зале такая тишина, что, кажется, слышишь стук сердец Лены и Воропаева.

Это сцена прощания, но мысль о счастье, о большом счастье звучит здесь, хотя само слово «счастье» и не произнесено. Залог счастья в той огромной душевной чистоте, что увидели мы в образе Лены Журиной.

6.

Тема счастья, философская тема спектакля раскрывается в сцене, которую пересказать нельзя. Воропаев вернулся от товарища Сталина. Он пришел, окрыленный одобрением вождя, выше которого не может быть ничего для коммуниста и советского человека. Он рассказывает своим друзьям, что об их делах узнал товарищ Сталин. Вот оно, счастье, завоеванное воропаевцами!

«Я ж теперь навеки покоя лишусь!» — говорит Лена.

Не останавливаться для созерцания своего счастья, вперед! Дальше! Выше! — вот лозунг воропаевцев. Порыв, а не покой, движение, а не созерцание, — образ этого счастья.

Когда-то дочери Маркса задали ему вопрос: ваше представление о счастье? — Борьба! — ответил он. Эти слова могут быть, как девиз, начертаны на первой странице романа и на занавесе Ермоловского театра, поставившего спектакль.

Творчество, дерзание, борьба, приближающие нас каждый день к коммунизму, — вот оно, наше великое счастье!

«Счастье» П. Павленко (сценическая композиция П. Павленко и С. Радзинского) в Московском театре имени М. Н. Ермоловой.

Памяти выдающегося композитора

Умер Узеир Гаджибеков — выдающийся советский художник, крупнейший азербайджанский композитор.

Это был человек настоящего таланта и необыкновенной работоспособности, творческое вдохновение никогда не покидало его.

С именем Гаджибекова связаны возникновение и расцвет оперного искусства Азербайджана. Уже в первой опере «Лейли и Меджнун» проявились те качества, за которые азербайджанский народ горячо любит и высоко ценит своего композитора — подлинная народность, ясность, мелодичность, доходчивость его музыки.

Источник вдохновенного творчества У. Гаджибекова — в народной музыке, в национальном фольклоре. Он был последователем великого русского композитора М. Глинки, утверждавшего, что «создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Поэтому произведения Гаджибекова так быстро находили путь к сердцу, их любовно исполняли народные музыканты и певцы.

Для этого строгого к своему творчеству человека была насущно необходимой живая связь со слушателями: он часто посещал спектакли, беседовал со зрителями, а иногда и перерабатывал, согласно их замечаниям, отдельные части своих произведений.

Жизнерадостный и неутомимый, он был прекрасным воспитателем молодежи. Талантливые азербайджанские музыканты — Ниязи, Ашраф Гасанов, Сеид Рустамов, Афрасиаб Бадалбейли — ученики Гаджибекова. Искренне радуясь успехам молодых композиторов, он в то же время умел быть суровым и требовательным и резко выступал против малейшей фальши, формалистических изощрений, против искусственной европеизации азербайджанской музыки.

Талантливый драматург, автор либретто к своим операм и музыкальным комедиям, Гаджибеков стремился к сближению писателей и поэтов с музыкантами. Глубоко чувствуя поэзию, он не терпел бездумного отношения некоторых поэтов к своим стихам убогого содержания и несовершенной формы. Не случайно среди азербайджанских поэтов Гаджибеков больше всего любил Самеда Вургуна: лучшие песни композитора написаны на слова этого поэта. От драматических произведений он хотел настоящего действия, серьезных конфликтов, сочетания занимательности с глубиной мысли, движения образов.

Создав произведения на сюжеты национального эпоса и классической литературы (оперы «Лейли и Меджнун», «Кер-оглы», музыкальная комедия «Аршин мал-алан»), У. Гаджибеков мечтал об опере на современную тему. До последних дней он работал над новой оперой «Фируза» — о женщине советского Азербайджана.

Азербайджанский народ знал своего любимого композитора и как активного общественного и государственного деятеля. Трудящиеся республики избрали его депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Творческие заветы У. Гаджибекова предстоит претворить в жизнь молодым композиторам Азербайджана. Всегда помнить, что ты создаешь музыку для широких народных масс, — вот его наказ молодежи, которая, как и все деятели культуры и искусства нашей страны, навсегда сохранит память о виднейшем советском композиторе Узеире Гаджибекове.

Мехти ГУСЕЙН

БИБЛИОТЕКИ-АВТОМОБИЛИ

Во многих районах Российской Федерации в этом году начали работать библиотеки-автомобили. Они обслуживают сейчас 1705 населенных пунктов и пользуются большой популярностью у колхозников отдаленных местностей.

В книжном фонде библиотеки-автомобиля — около двух с половиной тысяч экземпляров — произведения классиков марксизма-ленинизма, лучшие произведения художественной и естественно-научной литературы, книги по сельскому хозяйству.

Кроме выдачи книг, библиотекари организуют громкие читки, читательские конференции, беседы с колхозниками о новых произведениях советских писателей.

ПЕРЕСТРОИТЬ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ШКОЛЫ!

Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР издает одиннадцать методических журналов, посвященных преподаванию отдельных учебных предметов в школе. Журналы эти призваны оказывать учителю необходимую помощь в его учебно-воспитательной работе.

За последнее время «Литературная газета» неоднократно отмечала серьезные недостатки отдельных журналов. На-днях коллегия Министерства просвещения РСФСР специально обсудила вопрос о работе журналов.

На заседании присутствовали профессора и преподаватели педагогических институтов, научные работники Академии педагогических наук, учители школ.

С докладом «О методических журналах Министерства просвещения» выступил министр просвещения РСФСР проф. А. Вознесенский.

Отмечая, что за последний год некоторые журналы несколько улучшили свою работу, докладчик указал вместе с тем, что в их работе имеются крупные недостатки.

Аполитичность, слабая борьба за марксистско-ленинскую методологию в соответствующей научной области характеризуют ряд журналов.

Деятельность журнала «Естествознание в школе» (бывший редактор проф. Б. Райков) за два предыдущих года его существования характеризуется как идейно-чуждая советской науке и советской школе. По основному вопросу — о материалистическом об'яснении явлений живой природы и развития организмов — журнал занял антинаучную, враждебную советскому мировоззрению позицию и фактически занимался пропагандой идеалистического, метафизического, вейсманистского направления. В настоящее время редколлегия журнала распущена и заменена новой.

Аполитичность и безидейность характеризуют работу журнала «Русский язык в школе». Журнал этот не только не борется за марксистско-ленинскую методологию, но, по существу, ведет борьбу с подлинно материалистическим языкознанием, — говорит министр.

В дискуссии по книге акад. В. Виноградова журнал «Русский язык в школе» занял беспринципную, половинчатую позицию, которая свидетельствует о нежелании бороться с пережитками буржуазных концепций в советском языкознании. Не случайно враждебное отношение редколлегии к той справедливой критике, которой была подвергнута книга акад. В. Виноградова на страницах «Литературной газеты».

Журнал поместил также беспринципную, дезориентирующую учителей рецензию на учебник А. Реформатского «Введение в языкознание», который стоит на позиции реакционного буржуазного языкознания.

Неудовлетворительно освещает журнал и вопросы идейно-политического воспитания учащихся в процессе преподавания русского языка. В 1948 году журнал не посвятил этому вопросу ни одной статьи. Помещенная же в 1947 году статья В. Лавровской «О воспитании национальной гордости и любви к русскому языку на уроках грамматики» отличается крайним вульгаризмом и формализмом. Автор утверждает, например, что «удачно выбранная грамматическая форма становится выражением идеи произведения». Так, по мнению автора, в «Песне о родине» В. Лебедева-Кумача форма родительного падежа существительного является выражением идеи величия и богатства нашей родины.

Не освещая важнейших вопросов, редакция помещает узко специальные статьи, не представляющие никакого непосредственного интереса для учителя, например: «Функции тире в языке повести Горького «Мать» и другие.

Журнал «Литература в школе» неоднократно подвергался серьезной и принципиальной критике в печати. Надо отметить, что редакция внимательно прислушивалась к этой критике и добилась некоторого улучшения в работе журнала. Однако она не сумела преодолеть ряда крупнейших недостатков. К их числу нужно прежде всего отнести слабое внимание к вопросам методологии марксистско-ленинского литературоведения.

Журнал не ведет достаточно острой и последовательной борьбы против пережитков буржуазного, идеалистического литературоведения, не выступил с развернутой критикой А. Веселовского.

Серьезной ошибкой является то, что журнал не дал ни одной статьи в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба». В частности в связи с этим постановлением журналу необходимо было поставить вопрос о борьбе с пережитками формализма в литературоведении, которые находят свое отражение и в школьном преподавании.

В литературоведении, больше чем в какой-либо другой научной дисциплине, имело место проявление низкопоклонства перед зарубежной наукой и культурой. Однако почти никакого отзвука на эту волнующую всех учителей проблему на страницах журнала нет.

Попрежнему «Литература в школе» не уделяет необходимого внимания вопросам советской литературы. «Литературная газета», — говорит министр, — поднимала ряд принципиальных и злободневных вопросов преподавания литературы. Журнал же не считал для себя необходимым даже откликнуться на эти выступления. Вообще получается так, что «Литературная газета» поднимает более острые и жизненно важные проблемы преподавания литературы в школе, чем журнал «Литература в школе». Именно в «Литературной газете» была проведена дискуссия о преподавании советской литературы.

В своем докладе министр остановился также на серьезных недостатках журналов «Преподавание истории в школе», «Физика в школе», «География в школе» и др.

Докладчик поставил перед редакциями журналов конкретные задачи, выполнение которых должно содействовать повышению идейно-теоретического уровня журналов и их приближению к нуждам и запросам школы и учителя.

С резкой критикой журнала «Русский язык в школе» выступила проф. М. Гухман.

Редактор журнала «Литература в школе» проф. А. Ревякин в своем выступлении признал правильной ту критику, которой был подвергнут журнал. Он рассказал о мероприятиях, намечаемых редколлегией по улучшению работы.

Ряд претензий к журналу «Литература в школе» пред'явил в своем выступлении преподаватель 174 школы Москвы С. Гуревич. За последние годы вышли ценные научные работы по литературоведению. Две из них получили Сталинскую премию. Об одной из них, о книге Б. Мейлаха, журнал написал всего две страницы. Блестящая книга М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» и вовсе не нашла отклика, хотя книга эта заставляет совершенно перестроить изучение Грибоедова в школе.

С критикой журналов, данной в докладе тов. А. Вознесенского, согласился также Ю. Саушкин, редактор журнала «География в школе», проф. С. Сказкин, редактор журнала «Преподавание истории в школе» и другие.

Совершенно не удовлетворило членов коллегии и присутствовавших на заседании товарищей выступление заместителя редактора журнала «Русский язык в школе» Д. Розенталя. Вместо того, чтобы ответить по существу серьезнейших обвинений, выдвинутых по адресу журнала, и рассказать о том, как редколлегия собирается перестраивать свою работу, Д. Розенталь остановился на мелких, не принципиальных вопросах и уклонился от основного — вопроса о линии журнала в области языкознания.

В заключительном слове министр просвещения РСФСР тов. А. Вознесенский указал, что вся работа журналов должна быть пронизана воинствующей большевистской партийностью, сочетаемой с подлинно научным освещением предмета.

Николай РОССИЙСКИЙ,
старший мастер цеха микрометров завода «Калибр», лауреат Сталинской премии

Поездка в Будапешт

Первое, что я увидел из еще пахнущих свежей краской окон восстановленной гостиницы «Гранд-отель», когда в вечерний час приехал в Будапешт в качестве члена советской делегации на юбилейный конгресс венгерских профсоюзов, была величественная статуя Свободы — фигура женщины, поднявшей высоко над головой пальмовую ветвь. Эта статуя установлена в честь советских воинов-освободителей Венгрии — на горе Геллерт. Освещенная прожекторами, она высится над всей венгерской столицей. И тут же я увидел в жизни воплощение великого слова, символизируемого статуей: мимо гостиницы шествовала с факелами ликующая демонстрация трудящихся Будапешта, демонстрация единства и преданности делу демократии. Единодушные возгласы приветствий товарищу Сталину и генеральному секретарю Венгерской партии трудящихся Матиасу Ракоши звучали в рядах демонстрантов, как клятва высоко нести знамя свободы, демократии и социализма.

Передо мной раскрывалась самая сущность жизни страны — ее свобода, сплоченность венгерского народа вокруг партии трудящихся, его искренние чувства к Советскому Союзу — освободителю и верному другу демократической Венгрии, пафос восстановления и созидания.

Множество фактов, с которыми мне пришлось познакомиться в Венгрии, подтвердили правильность этого первого впечатления.

* * *

Я жил в восстановленной гостинице на острове Маргит, ходил по восстановленному мосту через Дунай, ездил в город металлургов Шалготариан по восстановленному шоссе, обрамленному молодыми деревьями...

Венгерский народ усиленно возрождает свою страну. За сравнительно короткий период исчезли многие следы разрушений в Будапеште; они более явственно видны разве только в Буде — гористой части столицы, которую гитлеровцы и салашисты пытались превратить в зону пустыни.

По вечерам Будапешт ярко освещен — мощность электростанций столицы ныне намного превышает довоенную. Мы побывали на работающем заводе Гамма. Во время войны он был разрушен почти до основания. Видели Чепель — завод действует в полную силу. Чепельский комбинат не только восстановлен, но расширен и благоустроен. Нам показывали большой корпус сборки станков, выстроенный уже после войны, и замечательное здание поликлиники, на открытии которой мы присутствовали.

Так могут заботиться о стране только ее подлинные хозяева. Им приходится преодолевать еще немало препятствий и трудностей. Это препятствия, чинимые капиталистическими элементами, верхушкой католической церкви, бывшей крупнейшим феодалом в стране, кулачеством, яростно пытающимися приостановить движение страны вперед; это трудности, вызванные пережитками старого во многих сторонах жизни и в сознании людей. В острой борьбе между старым, отжившим, и новым, нарождающимся, неизменно побеждает новое.

В Венгрии еще есть частные предприятия с числом рабочих до ста человек. Но работа на них регулируется государственными законами — продолжительность трудового дня не должна превышать восьми часов, а зарплата должна соответствовать прожиточным потребностям рабочих.

На полях в районе озера Балатон мы видели товарищество по совместной обработке земли. Крестьяне довольны: товарищество избавило их от угрозы попасть в зависимость к значительным еще в деревне капиталистическим элементам, позволило обзавестись трактором и отойти от допотопных методов обработки земли. Конечно, это еще далеко не совершенная форма ведения хозяйства, она далека от той, которая сделала сельское хозяйство Советского Союза самым передовым в мире, но и в ней уже чувствуются элементы того нового, что должно привести крестьянина на путь подлинно коллективного социалистического труда.

Шалготарианские металлисты гордятся тем, что 95 процентов избирателей их города на последних парламентских выборах отдали свои голоса коммунистическим кандидатам. Именно такая вот политическая активность венгерских избирателей решающим образом изменила соотношение сил в стране в пользу трудового народа. Не бароны и помещики, а истинные представители трудящихся заседают теперь в массивном, увенчанном шпилями и куполами здании парламента на берегу Дуная. Депутаты народа принимают законы, направленные к благополучию и процветанию нации, к усилению контроля и ограничению капиталистического производства, к вытеснению и ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве.

В этом здании, кстати сказать, происходил и конгресс профсоюзов. Вместе с присутствовавшими на с'езде президентом республики Сакашичем Арпад, премьер-министром Диньешем Лайош и министрами рабочие обсуждали насущные вопросы профсоюзного движения и жизни трудящихся.

Совместно с венгерским министром промышленности Коша мы совершили поездку на «венгерское море» — красивейшее озеро Балатон. Здесь много богатых вилл и отелей. Раньше они принадлежали капиталистам. Народное правительство предоставило эти дома в распоряжение профсоюзов. Теперь в них отдыхают, набираются сил рабочие и крестьяне. Коша, в прошлом трамвайный кондуктор, встретил отдыхавшего здесь трамвайного контролера, с которым они вместе работали. Контролер и министр, окруженные отдыхающими рабочими, долго беседовали об общих нуждах и заботах. Это была беседа хозяев страны. Они говорили о под'еме производства, о соревновании — вопросах, которыми живет сегодня весь рабочий класс Венгрии.

Производственное соревнование увлекло тысячи венгерских рабочих. Я видел, с каким энтузиазмом работает коллектив инструментального завода Гамма, возглавляемый вышедшим из рабочей среды, отлично знающим дело директором. От зажигалок, изготовляющихся для экспорта, завод переходит к производству точных измерительных инструментов. Никогда прежде предприятие не ставило перед собой такой сложной задачи, а сейчас она успешно разрешается настоящими хозяевами производства — рабочими.

На предприятиях, где мне довелось побывать, я был свидетелем награждения многих рабочих и работниц орденами и медалями Венгерской народной республики за производственные достижения. Удостоенные награды рабочие Чепеля, например, значительно перевыполняют нормы. Завод успешно справляется с программой.

Как на Чепеле, так и на других предприятиях рабочие с полной убежденностью говорят о том, что выполнят трехлетний план на шесть-семь месяцев раньше срока. Молодая республика начинает пожинать, следовательно, первые плоды соревнования.

Надо сказать, что в производственном соревновании венгерских рабочих слабо проявляется элемент социалистический, при котором отстающий получает помощь от передового, и таким образом добиваются общего под'ема. Пережитки старого, унаследованного от тех условий, которые, как писал А. М. Горький, искажали людей с детства, часто еще мешают понять, что в условиях народной власти личное и общественное являются двумя сторонами одной и той же медали, что от увеличения общественного богатства непосредственно зависит и повышение благосостояния каждого человека.

Однако, как мне кажется, с каждым днем все более широкие слои рабочих убеждаются в той великой силе, которую таит в себе творческое трудовое соревнование, начинают понимать, что чем скорее трудовое соревнование охватит широкие слои населения, тем быстрее будет развиваться Венгерская народная демократическая республика.

Я пришел к такому заключению, исходя из собственных наблюдений. Я видел, к примеру, с каким взволнованным интересом рабочие завода Гамма отнеслись к опыту моей личной работы и советам, которые они хотели услышать от меня.

Я рассказал им, что в данное время коллектив моего участка на заводе «Калибр» завершает выполнение плана 1950 года (участок закончил эту программу 20 октября), что он превзошел довоенный уровень производства в двенадцать раз и что мы обязались выполнить пятилетку в три года девять месяцев.

Венгерские рабочие с большим вниманием отнеслись к моему совету ввести на их заводе поточное производство, — будет дешевле и лучше.

— Поток!.. — сказал кто-то по-русски, видимо, слышавший уже это слово, и с воодушевлением добавил на родном языке:

—Как вся наша жизнь теперь!..

Рабочие поставили своей целью организовать производство по поточному методу.

Радушие и теплота, с которыми встречали нас повсюду в Венгрии, пристальное внимание к каждому слову советского человека показывали всю значительность нашего представительства. Советский Союз служит для Венгрии великим примером и в строительстве новой жизни, и в дружбе народов, и во взаимной помощи.

Трудящиеся Венгрии с искренней теплотой говорят о Советском Союзе — освободителе, о Советском Союзе — друге, играющем с момента освобождения Венгрии решающую роль в развитии ее экономики и внешней торговли. Советская помощь создала условия для оживления хозяйственной жизни страны, для перехода к плановой системе хозяйства и успешного завершения трехлетки ранее намеченного срока. Советские заказы гарантируют Венгрии устойчивость ее внешней торговли и ограждают ее от пагубного влияния кризисов в капиталистическом мире.

И потому так искренне прозвучали слова президента республики на торжественном приеме после окончания профсоюзного конгресса:

— Пока я жив и пока я президент, дружба венгерского и советского народов будет расти и крепнуть.

Потому так теплы и взволнованны были наши встречи с венгерскими рабочими на предприятиях. В Шалготариане для встречи с советскими представителями собралось столько людей, что огромный зал не смог вместить всех желающих. Более тысячи человек оставалось у репродукторов на улице в течение всего собрания. Так было на всех предприятиях, которые мы посещали.

Дружеские чувства венгерцев к советскому народу, малейшее проявление которых раньше жестоко каралось фашистами, находившимися у власти, теперь прорываются наружу в самых различных проявлениях— и в песнях «Москва моя» и «Катюша», распеваемых венгерской молодежью, и в огромном успехе советских фильмов, и в трогательных сценках на собраниях. На встречи с нами приходили молодые и старые производственники. И все они на каждом собрании в едином порыве приветствовали товарища Сталина дружными возгласами: «Да здравствует Сталин!», а в конце собрания так же дружно пели «Интернационал».

Эти встречи надолго останутся в памяти. Они показали силу и крепость дружбы между народами стран новой демократии и советским народом.

Озаренная этой дружбой, свободная Венгрия включилась в могучий поток новой жизни.

БУДАПЕШТ—МОСКВА

Из зала Генеральной Ассамблеи

Могильщики ООН

Еще не так давно противники международного сотрудничества атаковали прямо в лоб так называемое право «вето», то-есть принцип единогласия пяти великих держав, на котором держится фундамент всей Организации Об'единенных Наций. В 1946 году на Генеральной Ассамблее нашлись такие делегации, которые, действуя по чужой указке, вносили предложения о пересмотре устава ООН и об отмене принципа единогласия. Получив надлежащий отпор от делегаций СССР и стран новой демократии, «раскольники» разных латино-американских мастей сочли в то время за благо укрыться в тень. Кое-кто из старших партнеров сделал тогда вид, что они одобряют принцип единогласия, и, таким образом, Генеральная Ассамблея ни в 1946, ни в 1947 годах не пошла на пересмотр устава Организации.

Однако злонамеренная возня вокруг «вето» продолжается по сей день. Изменилась лишь тактика. Вместо лобовой атаки предпринимаются меры, направленные на постепенное разрушение основ Организации Об'единенных Наций и ее устава. Первым шагом к этому явилось создание в прошлом году так называемого межсессионного комитета, который, по замыслу англо-американских авторов, призван фактически заменить Совет Безопасности.

Ныне в специальном Политическом комитете рассматривается предложение Аргентины, также предусматривающее ревизию устава ООН, отказ от соблюдения принципа единогласия великих держав при решении такого важного политического вопроса, как прием новых членов в Организацию Об'единенных Наций.

Известно, что решающая роль при рассмотрении заявлений о приеме новых государств в члены ООН принадлежит Совету Безопасности. Для того, чтобы Генеральная Ассамблея могла рассмотреть вопрос о приеме в члены ООН того или иного государства, необходимо, чтобы была налицо положительная рекомендация Совета Безопасности, утвержденная не менее чем семью его членами, при обязательном совпадении голосов пяти постоянных членов Совета—СССР, США, Англии, Франции и Китая.

За время существования Организации Об'единенных Наций в соответствии с существующими правилами приняты в ООН семь государств — Йемен, Бирма, Исландия, Афганистан, Швеция, Сиам, Пакистан. Право «вето» не помешало этим семи государствам войти в качестве равноправных членов в содружество Об'единенных Наций. Но вслед за тем англо-американский блок решил провести в члены ООН ряд таких государств, вступление которых в Организацию Об'единенных Наций решительно неприемлемо, по крайней мере в данное время, для всех сторонников мира и демократии.

Подталкиваемые англичанами, у порога Организации Об'единенных Наций начали появляться представители Португалии, страны, известной своим «нейтралитетом» в период войны против немецкого фашизма и ныне по своему политическому режиму ничем не отличающейся от франкистской Испании. В Организацию Об'единенных Наций незаконно начали протаскивать Австрию, несмотря на то, что с этой страной не заключен мирный договор. В двери ООН стучатся представители Цейлона, «независимость» и «суверенитет» которого олицетворяет английский губернатор...

Естественно, что некоторые из об'ективных и беспристрастных членов Совета Безопасности, и в их числе Советский Союз, усомнились в праве подобных государств входить в настоящее время в число членов Организации Об'единенных Наций.

Именно по этим причинам указанным государствам и было отказано в приеме в члены ООН. Этого было достаточно, чтобы англо-американская пресса подняла вой о «жертвах советского вето», а наемные крикуны, вроде аргентинского делегата Арсе и австралийского полковника Ходжсона, занялись тем же на Генеральной Ассамблее.

Стремясь во что бы то ни стало провести в члены ООН некоторые не заслуживающие этого страны, англо-американский блок пользуется также методами юридического крючкотворства. Образцом такого крючкотворства является так называемое консультативное заключение Международного суда, где группа судей по указке своих патронов попыталась сфабриковать юридические «выводы» и «формулы» с тем, чтобы направить Совет Безопасности по ложному пути.

Казуистические рецепты этой группы продажных юристов кое-кто и старается преподнести теперь в качестве руководства при приеме новых членов. Исходя из этих рецептов, австралийская делегация вопреки логике и здравому смыслу предлагает открыть двери в ООН Португалии, Австрии, Цейлону и ряду других стран.

Аргентинская делегация пошла еще дальше, напролом. Ее представитель Арсе, известный своей ненавистью к принципу единогласия, предложил вообще его отменить, иначе говоря, внести коренные изменения в устав ООН и тем самым подорвать основы этой организации. По существу, аргентинца Арсе поддержал в этом позорном деле американец Коэн.

Характерно, что англо-американские ораторы и их подпевалы пекутся только о тех странах, в приеме которых они заинтересованы и на послушные голоса которых они рассчитывают. В то же время воздвигаются всяческие препятствия к приему таких действительно миролюбивых и демократических государств, как Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Монгольская народная республика.

Советские делегаты в своих выступлениях вскрыли истинный характер политики англо-американского блока и в таком вопросе, как прием новых членов ООН. Своей всесторонней аргументацией они доказали, что страны новой демократии имеют неизмеримо большее право быть членами Организации Об'единенных Наций, чем страны, протаскиваемые США и Англией. Глава советской делегации А. Я. Вышинский в своих речах едко высмеял аргентинского делегата Арсе, по профессии врача-хирурга, с его рискованными «экскурсами» в область международного права, и писклявого парагвайца, пытавшегося сочинять басни о «руке Москвы», якобы «дотянувшейся» даже до его страны.

Моськи и шавки сейчас продолжают заливисто лаять. По сигналу англо-американских дирижеров они готовы в нужный момент послушно поднять кверху свои лапы. Но никаким лаем нельзя заглушить голос правды, которую олицетворяет делегация советского народа на сессии Генеральной Ассамблеи. Этот голос призывает к международному сотрудничеству, к миру!

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 26 ноября.
(По телеграфу).

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

ХИЖИНЫ ГОРЯТ...

«Это был обычный полицейский отряд, вооруженный карабинами, винтовками, гранатами, автоматами, длинными ножами с прямым лезвием и зажигательными бомбами, предназначенными для поджога хижин...»

Пусть не подумает читатель, что речь пойдет о кошмарах эсэсовских погромов времен второй мировой войны. Нет, в подобных выражениях некий Патрик О'Доновен живописует на страницах лондонской газеты «Обсервер» очередную карательную операцию англичан против жителей одной из малайских деревень. И надо сказать, что злодеяния, творимые английскими колонизаторами, не менее страшны.

Где-то в районе этого селения был убит английский плантатор. Эсэсовцы в форме английских полицейских пришли, чтобы сжечь деревню. Они были «великодушны», предоставив «жителям несколько минут на то, чтобы они могли вынести из обреченных жилищ свое имущество. Люди засновали, вытаскивая рваные одеяла, горшки. Кто-то вынес несколько еще слепых щенят. Один полуголый старик схватил висевшую над притолокой соломенную шляпу...»

Минуты прошли, и запылали тростниковые крыши хижин. Люди стояли возле незатейливого скарба, который они успели спасти. Вот старая женщина и ее сын — «с ногами тонкими, как у цыпленка, по-видимому, больной туберкулезом в последней стадии. Внутренность их хибарки, еще не об'ятой огнем, являла зрелище предельной нищеты. Все имущество состояло из большого бесформенного кувшина, на дне которого было немного риса, двух мисок, циновки, пустой бутылки и клочка красной бумаги с начертанными на нем словами молитвы... Какой-то ребенок заплакал. Остальные стояли молча, с окаменевшими лицами...»

Увлекшись описанием «подвига» своих соотечественников, О'Доновен раскрыл все «прелести» английской колонизаторской политики. И в страхе перед окаменевшими лицами, с презрением смотрящими на английских цивилизованных дикарей, О'Доновен спешит заявить: «Поджог хижин, бесспорно, был необходим»...

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ФОРМА БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ

По сообщению американского журнала «Тайм», в городе Рочестер (Англия) власти, по жалобе покупателей, пытались привлечь к ответственности за жульничество бродячего торговца пирожками, в которых не оказалось начинки. Когда они обратились за поддержкой в министерство продовольствия, оттуда поступило авторитетное раз'яснение, что в нынешних условиях так называемые «пироги с мясом отнюдь не обязательно должны иметь мясную начинку».

«СЮИТА СЛЕПОЙ КИШКИ»

Один молодой композитор в Филадельфии недавно сочинил музыкальное произведение «Клиника». Газета «Нейес Дейчланд» сообщает, что в этой «сюите» автор в музыкальной форме воспроизводит операцию по удалению отростка слепой кишки.

Нежные звуки вступления, исполняемого симфоническим оркестром, должны, по мнению автора, соответствовать тому моменту, когда санитары ведут пациента из палаты в операционный зал. Затем следует «эфирная фантазия» в ускоренном темпе, изображающая усыпление больного с помощью наркоза. Быстрая мелодия в темпе аллегро—хирург вскрывает брюшную полость. Бурное фуриозо означает удаление злополучного отростка. Жизнь снова прекрасна—это выражено в коротком скерцо. В заключение следует завершающая умиротворенная музыкальная картинка...

КЛУБ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

«Дейли уоркер» сообщает, что в Англии раскрыт клуб, члены которого—15—16-летние мальчики — специализируются в краже дамских сумочек.

У одного школьника в г. Лидсе была обнаружена написанная от руки инструкция этого воровского клуба. Первым пунктом устанавливалось, что вор, укравший сумочку или бумажник, «берет себе 40 процентов, а остальное делится поровну между членами клуба».

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Народы борются

«Взирая на страницы истории, как мореход взирает на корабельную карту», — эта поэтичная формула Карамзина обратима: мы смотрим на карту морей и суши, как на страницы истории. Огромные пространства и расстояния в несколько тысяч километров полны потрясающих воспоминаний о войнах и революциях. Эти пространства дышат напряженной борьбой человеческих масс за свое будущее. История уверенно шествует вперед. В каждом ее мгновении, в каждой текущей злобе дня встречаются и жестоко спорят между собой Вчера и Завтра.

Вот изрезанный заливами и полуостровами западный берег материка, омываемого Гольфштремом, — Европа норманнов и монахов, первых конквистадоров и первых банкиров, густо населенная, в угольной пыли и в ядовитых клубах фабричного дыма, в зеркальных окнах и неоновых трубках реклам, послевоенная, раздираемая внутренними противоречиями, маршаллизуемая, колонизуемая Европа. Переодетые в штатское молодчики из «Гитлерюгенда» нагло играют в поддавки с трумэновскими шпиками. Упитанные священники проповедуют женам французских горняков смирение и покорность.

Редакция вечерней бульварной газетенки. Поздний ночной час, когда все кошки серы. Прожженная бестия, называющая себя социалистом, обдумывает свой очередной опус, очередную клевету на рабочих, а заодно и поклеп на Москву. Большая двусветная зала. Сто первое заседание. В синем сигарном дыму обозначается знакомый по ту сторону океана силуэт. Какой-нибудь Даллес или Остин нерешливо жует очередную фразу своего диктата.

Это — кадры из текущей хроники истории. Содержание их сводится к одному. Явно или скрытно, днем или ночью, здесь варится война, здесь перекликаются между собою поджигатели. Некоторые из них давно разоблачены. Другие пока еще щеголяют в голубином оперении «друзей мира», но очень скоро и они будут разоблачены.

Есть и другие картины.

В тот самый день, когда главный поджигатель войны Черчилль выступал в Кройдоне с очередной кровавой проповедью, лондонские женщины разбрасывали по улицам листовки и несли плакаты с надписью: «Мы хотим дома и квартиры, а не бомбы». В тот осенний день по всему огромному городу прокатилась волна антивоенных демонстраций под лозунгом: «Никакой войны за доллары янки!» Пятого ноября перед судом предстали двенадцать человек, обвиняемых в том, что они прерывали возгласами речь английского министра обороны Александера, агитировавшего за вступление в территориальную армию. Один из обвиняемых, лондонский механик Робсон, между прочим, заявил: «Мне слишком хорошо известно, что такое война. Два брата у меня убиты в Италии, сам я пробыл в армии шесть лет. Вот почему я решил бороться против нынешней вербовки». Другой обвиняемый, механик из Бринстона Реджинальд Крем, сказал: «Я выполнял свой долг. Пять лет я пробыл в армии и больше сражаться не хочу, по крайней мере против русских не хочу».

В самом конце прошлого месяца в Италии был отмечен «День мира и нейтралитета». По всей стране проходил «Месячник дружбы с Советским Союзом», сопровождаемый многотысячными митингами. В ноябре в Риме собралась первая национальная конференция «Союза итальянских женщин». Итальянки послали приветствие женщинам Свободного Китая.

В те же дни в Брюсселе состоялся праздник газеты «Драпо руж» («Красное знамя»). По улицам бельгийской столицы прошла тридцатитысячная колонна демонстрантов, среди них были и специально с'ехавшиеся со всех концов страны рабочие. Лозунги демонстрантов звучали так: «Бельгия не будет американской колонией», «Бельгийские рабочие не хотят воевать с Советским Союзом».

Тогда же в Лондоне состоялся митинг протеста против кровавых зверств монархо-фашистов в Греции. За два последних года в Греции расстреляно 1.950 демократов.

Эти короткие телеграфные известия, сосредоточенные на одном газетном столбце,—своего рода графический пунктир, дающий схематическое представление о народных бурях, бушующих на Западе. Правда, это только слабый отголосок горячей жизни, которая наполняет митинги, одушевляет толпы лондонцев, миланцев или римлян. Так звучит сегодня голос европейских народов, голос миллионов простых людей, у которых жива совесть и жива память о недавней войне. Нельзя истребить и затуманить эту память.

И в то же время нам не следует забывать, что дорога, по которой идет история, — очень крутая и кремнистая дорога. Сегодня, так же, как вчера, здесь льется кровь лучших, кого-то душат, кого-то одурманивают жалкой подачкой или обещанием посмертной компенсации в раю.

Буржуазия делает все, чтобы парализовать волю и разум рабочего класса. Арсенал ее средств разнообразен. Слезоточивые газы Жюля Мока дополняются медоточивыми фразами Леона Блюма. Рычанию Черчилля нежно аккомпанирует лицемерная казуистика Бевина. А где-то в резерве таится фанфарон типа де Голля, загримированный под Жанну д'Арк, фашистский держиморда, откровенно и гласно выжидающий подходящей ситуации для захвата власти.

На карте материка обозначены также участки неприкрытого фронта в прямом и военном значении этого термина. Пелопоннес, Парнас, Спарта,—какая это сказочная даль истории, и как робко она отступила перед сегодняшней былью о героической борьбе греческого народа против иноземных и доморощенных угнетателей! Даже сердце Байрона, зарытое в Миссолунги и не раз уже служившее вдохновению стольких поэтов, даже это прекрасное сердце может сегодня пожалеть о своем бессмертии: потомки великого лорда на бреющем полете бомбят горные проходы, где засели отряды солдат Маркоса, а другие из потомков лорда служат военными консультантами в Афинах.

Перед нами три номера партизанской газеты «Экскормиси». Она выходит «где-то в Свободной Греции». Номера относятся к дням июльских боев на Граммосе. С тех пор много воды утекло, недаром эти листки шли так долго, но, к счастью, они все же добрались до нас.

Шесть дивизий американских наемников были брошены в наступление. Их поддерживали десятки самолетов, восемь полков артиллерии. «Трудно описать величие партизанского сопротивления,—пишет безыменный военный корреспондент «Экскормиси», — один против семи или восьми, а то и десяти... Ни итальянцы, ни немцы не обрушивали на нас столько огня, сколько эти американские рабы!» И все же этот огонь не сломил героев.

Совсем другая картина была во вражеском лагере: «Нерешительно, полные страха, подгоняемые офицерами, идут жертвы на бойню...» «Тут-то и началась драма, — продолжает газета, — офицеры потребовали дополнительной артиллерийской подготовки. Американцы, фактически руководившие боевыми действиями, наотрез отказали. И тогда рабы поссорились с хозяевами: раз не даете снарядов — идите в наступление сами!..»

Это тоже короткий отрывочный эпизод в сегодняшней борьбе. Он мелькнул на большом экране истории, и вот уже заслонен новым, только что отпылавшим. Вот уже встают пикеты бастующих горняков на шахтных дворах Лотарингии, вот уже ворвались в Мукден части Народно-освободительной армии Китая. Не забудем, что грозный шаг истории слышен и в Индо-Китае, и в Бирме, и в других странах. Миллионы вчерашних колониальных рабов с оружием в руках отстаивают свое право на национальное самоопределение, личное достоинство, будущее их детей. Вьетнам — один из форпостов этой борьбы. Президент Народной республики Хо Ши-мин вынужден был недавно выступить с таким заявлением: «Колонизаторам свойственно распространять ложные слухи. Они уже писали, что я поехал в Китай, что я ездил в Россию, что я умер и прочее. Я полон решимости выполнить задачу, порученную мне народом, — задачу бороться до конца за независимость и единство нашей страны».

История несется дальше. Идет открытая борьба. В этой борьбе есть и участники, и свидетели, и лжесвидетели. Есть и другие, нравственно беспризорные, не знающие, куда им податься. Их достаточно много в любом европейском центре, — интеллигентов, занятых своим ремеслом, своей маленькой наукой, своим маленьким искусством. Суб'ективно они могут быть неплохими людьми, отличными собеседниками, мастерами высокого класса. Они, может быть, с'ели собаку в тех или других философских, языковедческих или, бог знает, еще каких областях.

После первой мировой войны один из этих европейцев, один из признанных арбитров по части тонкого мышления, задумался о духовном кризисе, охватившем Европу, стало быть, постигшем его самого: «...На огромной террасе Эльсинора, тянущейся от Базеля до Кельна, раскинувшейся до песков Ньюпора, до болот Соммы, до меловых отложений Шампани, до гранитов Эльзаса, — европейский Гамлет глядит на миллионы призраков. Он поднимает череп; этот череп знаменит. Когда-то он был Леонардо. Он изобрел летающего человека, но летающий человек не стал в точности выполнять замыслы изобретателя: мы знаем, что ему в наши дни даны другие задачи, нежели собирать снег на вершинах гор, дабы кидать его в жаркие дни на стогна городов. А вот этот другой череп — Лейбница, грезившего о всеобщем мире... Гамлету не слишком ясно, что делать со всеми этими черепами. Что, ежели отшвырнуть их?.. Его чудовищно ясновидческий ум созерцает переход от войны к миру. Этот переход еще более темен, более опасен, чем переход от мира к войне; все народы поколеблены им...»

Так около тридцати лет назад писал философствующий декадент Поль Валери. Во времена исторических распутий многие, подобно Валери, находят для себя ту или другую гамлетовскую позу и горестно констатируют, что, дескать, «распалась связь времен», стало быть, дальше ехать некуда. Нашлись такие господа в Европе и сегодня. Еще меньше иллюзий досталось им на долю, еще меньше заботит их судьба ближних, кишащих где-то у ног этих замороженных суб'ектов. Многие из них готовы, как Сартр и ему подобные, хвалиться любым отчаянием грязночерного оттенка, любым желтым цинизмом. С этих господ многого не спросишь, их дело конченное.

Кого же они обслуживают? Из каких юных, растерянных, жадно ждущих ответа слушателей состоит аудитория сегодняшнего Сартра или вчерашнего Валери? Кем бы они ни были, перед каждым из них встанет в свое время необходимость выбора: итти в кагуляры, в Ку-клукс-клан, в черную гвардию реакции или оказаться по эту сторону баррикады, рядом с борцами за светлое будущее человечества. Выбор потребуется!

Борьба за волю и разум этого поколения идет в умственных центрах Европы. Идет в науке, в искусстве, во всей сложно инструментованной культуре Запада. Имена многих наших друзей в этой борьбе хорошо нам известны. Имена других, которых гораздо больше, неизвестны. Пожелаем тем и другим мужества и успеха.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БЛУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-23-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 3.

Б — 04207.